

THE DEVIL'S SIDE

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

АЛЮКОВ А.Д.

18+

Алексей Алюков

The devil's side: TOM I

«Автор»

2026

Алюков А. Д.

The devil's side: ТОМ I / А. Д. Алюков — «Автор», 2026

Этот город не спит. Он ждёт. Под его улицами, в сырых тоннелях, где не бывает солнца, живут твари, которым нет названия. Над его крышами кружат тени, которых не отбрасывает никто. В его переулках люди исчезают без следа — и никто не задаёт вопросов, потому что задавать их опасно. А где-то за гранью этого мира простирается Ад. Не тот, о котором лгут в церквях. Ад — это империя. Города из багрового камня. Дворцы, где демоны-лорды пьют кровь и делят власть. Поля, на которых войны не заканчиваются веками, потому что победа не нужна никому. Здесь добро давно проиграло. Здесь выживает тот, кто первым бьёт в спину. Здесь у каждого есть цена — и каждый однажды её платит. Это не история о героях. Это история о тех, кто остался в живых. О тьме, которая живёт в каждом. О выборе, который приходится делать, когда терять уже нечего. Добро пожаловать в мир, где дьявол всегда на своей стороне. Тёмное фэнтези. Первый том эпического цикла.

© Алюков А. Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	54

The devil's side: ТОМ I

Часть первая

I

*«Ибо наша брань не против крови и плоти,
Но против начальств, против властей,
против миропровителей тьмы века сего,
против духов злобы поднебесной»
(Библия. Эф. 6:12)*

Дождь лил вторые сутки.

Он барабанил по черепичным крышам Эвилля — тяжёлыми, круглыми каплями, которые срывались с серых, набухших туч и летели вниз, разбиваясь о кирпичные и бетонные мостовые. Капли были крупными, как виноградины, и холодными, как слёзы. Они падали отвесно, без ветра, и от этого весь город казался запёртым в гигантском мутном аквариуме.

Сами тучи, обложившие небо до самого горизонта, напоминали пышные, мягкие тела уснувших великанов. Они напозлази друг на друга, сплетались, сливались в одну бесформенную, клубящуюся массу, которая заслонила собой всё — и солнце, и небо. Где-то там, за этой серой пеленой, ещё теплилась красота двух юных дев-красавиц: округлого, яркого солнца с его золотыми косами лучей и бездонного голубого неба, что простиралось на миллионы миль во все стороны. Но теперь их красота была скрыта. Тучи, словно ревнивые соперницы, закутали их в свои серые одеяла и плакали — плакали безутешно, проливая на землю миллиарды, если не триллионы, своих холодных слёз. Никто не знал, о чём они плачут. Может быть, от радости, предвкушая грядущую трагедию. Может быть, от скорби и сожаления. А может быть, им просто было всё равно — они плакали, потому что не могли не плакать, потому что такова была их природа.

Вода стекала по водосточным трубам, переполняла желоба, бурлила в ливнёвках. Она попадала в реку, что протекала через центр города, — широкую, тёмную, маслянистую, над которой дугой выгибался старый каменный мост с чугунными перилами и потускневшими от времени фонарями. Река несла свои воды к промышленным районам, где ныряла в подземные коллекторы — туда, где в эту самую ночь, в сырой и вонючей тьме, заканчивала свою смену рабочая бригада.

Их было четверо. Все в одинаковых серых робах, пропитанных запахом сырости и машинного масла, в касках на головах, скрывавших волосы. На лицах, там, где их не прикрывали налобные фонари, лежала многодневная усталость — та особая, серая усталость, какая бывает только у людей, которые годами работают под землёй, вдали от солнечного света.

Тоннели, по которым они шли, были обширны, как лабиринт Минотавра. Стены из старого, растрескавшегося бетона, кое-где укреплённые ржавыми металлическими балками, сочились влагой. Кое-где на них росла плесень — чёрная, бархатистая, пульсирующая, будто живая. С потолка свисали сосульки извести, с которых то и дело срывались капли и звонко ударялись о водную гладь.

Свет четырёх налобных фонарей выхватывал из тьмы фрагменты этого подземного царства: круглую трубу, покрытую хлопьями ржавчины; решётку водостока, забитую мусором; тень, метнувшуюся в боковой проход — крыса, не иначе.

Первым шёл Рафаэль.

Это был коренастый мужчина лет сорока пяти, с широкими, покатыми плечами и мощной шеей, на которой бугрились вены. Его лицо, покрытое седой щетиной, напоминало карту военных действий — шрам на подбородке (подарок от упавшей трубы), ожог на левой скуле (результат неудачной сварки), россыпь оспин на носу (последствия юношеского акне). Глаза — тёмно-карие, глубоко посаженные, окружённые сеткой мелких морщин — смотрели на мир с тем особым, усталым цинизмом, который приходит только с годами тяжёлой работы. Одет он был в ту же робу, что и остальные, но носил её с какой-то особой небрежностью — ворот расстёгнут, рукава закатаны по локоть, открывая мускулистые предплечья, покрытые выцветшими татуировками. Одна изображала якорь, другая — русалку с неестественно большой грудью, третья — просто надпись «Maгia», выведенная корявым готическим шрифтом.

За ним, чуть прихрамывая, ковылял Лео.

Это был молодой парень, которому едва перевалило за двадцать. Худой, как скелет, обтянутый кожей, с узкими, покатыми плечами и впалой грудью. Его спина была сторблена — не по-стариковски, а как-то по-птичьи, будто он всё время пытался сложиться пополам. У основания шеи, между лопатками, проступал небольшой, но заметный горб — результат многолетней сутулости. Волосы у него были тёмно-русые, сальные, свисающие неопрятными прядями из-под каски. Глаза — бледно-голубые, водянистые, с красными прожилками от недосыпа и хронической усталости. Под ними набрякли сизые мешки. Губы — бледные, потрескавшиеся — постоянно шевелились, будто он беззвучно разговаривал сам с собой. На подбородке красовалась жалкая поросль — ни борода, ни щетина, а так, подростковый пух, который он то ли забывал сбривать, то ли принципиально не трогал.

Третьим шагал Габриэль.

Он был полной противоположностью Лео: толстый, рыхлый, с массивным, выдающимся вперёд животом, который нависал над ремнём, грозя в любой момент вырваться на свободу. Его лицо — круглое, с пухлыми, румяными щеками и маленьким, почти детским ртом — казалось нелепым на таком большом теле. Глаза у него были светло-карие, с длинными, как у девушки, ресницами, и смотрели они на мир с каким-то наивным, почти детским любопытством. Когда он улыбался — а улыбался он часто, — на щеках появлялись ямочки, делавшие его похожим на большого ребёнка. Одежда на нём сидела плохо — роба была на размер меньше, чем нужно, и пуговицы на животе предательски натягивались. Каска, наоборот, болталась, то и дело сползая на глаза.

Четвёртый шёл последним. Он был новеньким — устроился всего двое суток назад, и это было видно по всему. По неуверенной, шаркающей походке. По тому, как он постоянно озирался по сторонам. По тому, как вздрагивал от каждого неожиданного звука. Ему было лет девятнадцать-двадцать. Худощавый, но не болезненно, как Лео, а скорее по-юношески, с ещё не оформившейся мускулатурой и угловатыми движениями. Лицо — простое, незапоминающееся, с мягким, безвольным подбородком и близко посаженными серыми глазами, в которых застыл перманентный испуг. Он ещё не привык к этому месту — к запаху, к темноте, к странным звукам, которые доносились из дальних тоннелей. И он боялся. Боялся до дрожи в коленях, до холодного пота на ладонях. Но работа есть работа, а деньги нужны всем.

Разговор, как обычно, начал Лео.

— А вот моя сегодня стоговила свои фирменные спагетти, — мечтательно протянул он, и его голос, тонкий, почти писклявый, эхом отразился от бетонных стен. — С соусом болоньезе, как я люблю. М-м-м... Горяченькие, только с плиты. Пар от них идёт, сыр сверху плавится, колбаска эта... как её... пепперони, во! Я аж слюной исхожу, мужики. Честное слово.

Он погладил себя по животу. Живот ответил громким урчанием.

Рафаэль закатил глаза так сильно, что на секунду стали видны белки с красными прожилками.

— Ну, Лео, — начал он своим низким, прокуренным голосом, в котором сквозила многолетняя усталость, — задрал ты уже со своей едой. Честное слово, каждый день одно и то же. «Моя сегодня сготовила», «моя вчера напекла», «моя позавчера нажарила». Ты хоть раз можешь о чём-то другом поговорить? О футболе? О политике? О бабах, в конце-то концов?

— Ну а чё? — Лео обиженно шмыгнул носом и вытер его рукавом. — У каждого свои радости, Рафаэль. Тебе вот нравится ворчать на всех, а мне — о еде говорить. Ты когда в последний раз нормально кушал-то? Небось, опять одни бутерброды с колбасой жуёшь, как холостяк. А у меня жена — золото. Готовит, как в ресторане. Даже лучше. В ресторане так не готовят. Вот ты когда-нибудь ел её фирменные спагетти? Нет. А я ел. И тебе не советую — обзавидуешься.

— Я не ворчу. — Рафаэль поправил каску, которая съехала набок. — Я констатирую факты. И факты таковы, что ты уже третий раз за смену заводишь разговор о жратве. Мне от твоих разговоров самому жрать хочется, а жрать нечего. У нас перерыв только через два часа. Два! Ты понимаешь это, нет?

— А я бы сейчас съел пиццу, — мечтательно произнёс Габриэль, и его круглое лицо озарилось блаженной улыбкой. — Большую такую, на толстом тесте, с двойным сыром и ветчиной. И чтобы края хрустящие были. И колы холодной бутылочку.

— Во! — Лео ткнул пальцем в сторону Габриэля. — Слышал? Человек понимает!

— Ну, блин, предлагай тогда! — вспыхнул Лео, и его водянистые глаза сузились от обиды. Его кадык дёрнулся, когда он сглотнул слюну. — Если ты такой умный, предложи тему для разговора. Тему, от которой у меня желудок не будет к позвоночнику прилипать. Давай, Рафаэль, блесни умом.

— Да хорош уже срать по всякой ерунде, парни, — вмешался Габриэль своим мягким, обволакивающим голосом. Он говорил медленно, с лёгкой одышкой — сказывался лишний вес. — Работать надо. Смена почти закончилась, ещё пятый ряд проверим — и по домам. Там и поедите. А ты, Лео, кстати, зря на Рафаэля обижаешься. Он дело говорит. Разнообразие — оно, как это... ну, в общем, полезно.

Новенький молчал. Он вообще всё время молчал. Может, от робости. Может, от страха. Может, от того и другого вместе. Он просто шёл позади всех, стараясь не отставать, и смотрел под ноги — на мутную воду, на скользкий бетон, на тени, пляшущие в свете фонарей. Его налобный фонарь то и дело мигал — контакт барахлил, — и он каждый раз вздрагивал, когда свет на секунду гас.

Они прошли ещё метров сто. Тоннель сужался, потолок опускался ниже, и теперь им приходилось идти, слегка пригибая головы. Вода здесь стояла выше — почти по щиколотку, — и каждый шаг отдавался гулким эхом.

— Так, — Рафаэль остановился и поднял руку, давая знак остальным замереть, — где-то здесь должен быть тот свищ, о котором говорил диспетчер. На горизонтальной трубе, у пятого ряда. Видите?

Он посветил фонарём вправо. В луче света блеснула металлическая труба, с которой широкой, пенной струёй хлестала вода, образуя под собой глубокую лужу, расплывшуюся во все стороны.

— Вот она, родимая. Лео, Габриэль — хомут тащите. Новенький — свети. А ты, Лео, помалкивай о еде, пока я работаю. У меня от твоих разговоров руки трясутся.

Лео хотел что-то возразить, но осёкся под суровым взглядом Рафаэля. Через десять минут — мокрые, злые, но довольные собой — они закончили. Свищ был устранён. Вода больше не хлестала. Только капала — мерно, ритмично, отсчитывая секунды, как метроном.

— Ну вот, — Рафаэль вытер мокрое лицо рукавом, размазывая грязь по щекам. — А ты боялся.

— Я не боялся, — возразил Лео. — Я просто замёрз.

— Замёрз он... Ладно, парни. Смена почти закончилась. Сейчас выходим на пятый ряд, сворачиваем направо — и там лестница. Через пятнадцать минут будем на поверхности. Кто последний — ставит пиво.

— Отлично! — оживился Лео, и его горб, казалось, даже немного распрямился. — Ноги уже все стёр, пока шли. Чувствуешь, Рафаэль? Это не просто усталость. Это мозоли на мозолях. У меня там, наверное, уже копыто скоро вырастет.

— А ты меньше о еде думай, больше о работе, — усмехнулся Рафаэль, похлопав его по плечу. — Глядишь, и ноги бы не стирались. И горб бы прошёл. И жена бы тебя, может, даже зауважала.

Они двинулись дальше. Тоннели здесь были шире — настоящие подземные проспекты, по которым мог бы проехать грузовик. Вода доходила до щиколотки, и каждый шаг поднимал фонтан брызг, сверкавших в свете фонарей, как алмазная пыль. Стены здесь были покрыты какими-то старыми надписями — граффити восьмидесятых, облупившаяся краска, чьи-то имена, выведенные баллончиком: «Здесь был Марко», «Лиза + Жан», «Смерть капитализму».

— Так, проходим пятый ряд, направо, а там лестница, — повторил Рафаэль, и в его голосе звучало облегчение. — Я этот маршрут наизусть знаю. Двадцать лет здесь работаю. Двадцать лет, мать его. Если меня разбудить посреди ночи, я с закрытыми глазами отсюда выход найду.

— Двадцать лет? — присвистнул Лео. — И не надоело?

— Надоело. Но платят хорошо. И пенсия скоро. Ещё пять лет — и всё. Куплю домик на юге Франции, буду рыбу ловить и плевать на весь этот бетон.

— Ага, — хмыкнул Лео, — раз мечтался. Домик на юге Франции. Ты, Рафаэль, на свою зарплату даже сарай в захолустье не купишь.

— Я же говорю — пенсия. За двадцать лет под землёй надбавки знаешь какие? Плюс льготный стаж, плюс вредность, плюс...

Он не договорил. Потому что вода начала прибывать.

Это случилось мгновенно — без предупреждения, без звука, без какой-либо видимой причины. Только что они шли по щиколотку в воде — и вот уже вода поднялась до колена, потом до пояса, и прибывала, прибывала, словно где-то открылись невидимые шлюзы.

— Какого хера?! — выдохнул Рафаэль, озираясь по сторонам. Его фонарь метался из стороны в сторону, выхватывая из тьмы то стену, то трубу, то испуганное лицо Лео. — Откуда?! Тут нет притоков! Я знаю этот тоннель! Здесь ей неоткуда взяться воде!

Вода хлынула из боковых проходов — мощным, пенным потоком, будто кто-то спустил гигантский унитаз. Она была холодной, ледяной, и от неё пахло — не обычной канализационной вонью, а чем-то другим. Чем-то сладковатым и тошнотворным, как запах гниющего мяса.

— Ну нихуя себе натекло! — заорал Габриэль, пятясь назад. Его лицо, обычно добродушное и румяное, побелело, как мел. Живот колыхался, ударяясь о поверхность воды. — Откуда?! Откуда это, мать вашу?!

Он споткнулся обо что-то. Фонарь сорвался с его головы и с тихим плеском ушёл под воду. Тьма сомкнулась вокруг Габриэля, и в этой тьме он что-то почувствовал — что-то твёрдое, скользкое, что коснулось его лодыжки и тут же отдёргнулось, проскользнув мимо, как огромная рыба.

— Бля! — завопил он. — Ебанный, сука, фонарь! Там что-то есть! Там, в воде, что-то есть! Я чувствовал!

— Фонарь проебал? — с иронией спросил Рафаэль, но голос его дрожал. — Так руки говном надо было смазать, чтоб прилипло, раз такой криворукий. Сколько раз тебе говорил — держи фонарь крепче, береги его, как яйца свои. А ты что? Растяпа.

— Да иди-ка ты нахуй, Рафаэль! — уже в истерике закричал Габриэль. Его голос сорвался на визг. — Я тебе не шучу! Там реально что-то было! Оно коснулось моей ноги! Оно скользкое! И твёрдое! Как... как не знаю что!

Вода перестала прибывать так же внезапно, как и начала. Теперь они стояли по грудь в ледяной, мутной жиже. Фонари Рафаэля, Лео и новенького всё ещё работали. Фонарь Габриэля исчез.

— Сука, ну и вонь, — процедил Лео, морщась и зажимая нос пальцами. — Как будто всё говно сюда скопилось. Серьёзно. Я на фронте был — и то так не воняло. Что это за запах? Это не канализация. Это... это как на скотобойне.

Молчаливый новенький стоял позади всех, вжавшись спиной в холодную бетонную стену. Его серые глаза были расширены до предела, и в них, отражаясь от воды, плясали огоньки фонарей. Он не говорил ни слова. Он даже дышать, кажется, перестал.

Габриэль не успокаивался. Он всё повторял, что в воде что-то есть, что он чувствовал это собственными ногами, что нужно выбираться отсюда, и побыстрее. Рафаэль попытался его утихомирить, но не успел.

— Да как будто всё говно сюда скопилось... — повторил Габриэль.

И ушёл под воду.

Это произошло мгновенно — никакого всплеска, никакого крика, только брызги, полетевшие в лица его товарищей. Там, где только что стоял Габриэль, теперь была лишь тёмная, маслянистая вода, расходящаяся кругами.

— Габриэль! — заорал Рафаэль, бросаясь вперёд. Вода сопротивлялась, тормозила движения. — Габриэль, твою мать! Это не смешно! Вылезай!

Тишина. Только плеск воды и их собственное дыхание — хриплое, надрывное.

— Габриэль!

Они ждали минуту. Две. Три. Пять. Габриэль не появлялся. Вода была неподвижна, как чёрное зеркало. Только круги от того места, где он исчез, постепенно затухали.

— Нет, ну это не смешно, Габриэль! — Рафаэль почти срывался на крик. Его прокуренный голос эхом разносился под бетонными сводами. — Появишься — я тебе твою же голову в жопу запихну! Слышишь меня?! Я не шучу! Ты знаешь, я слов на ветер не бросаю!

Ответа не было. Они двинулись дальше — втроём, — и с каждым шагом страх сгущался, как туман. Никто не произносил ни слова. Лео больше не говорил о еде. Рафаэль больше не отпускал шуток. Новенький вообще, кажется, перестал моргать.

Вода постепенно спадала, и вскоре они вышли к лестнице. Она вела на сухой бетонный пол — старый, обшарпанный, покрытый многолетней пылью и какими-то тёмными, засохшими пятнами. Поднялись. Огляделись.

— Слава Богу, — выдохнул Лео, переводя дух. Его горб, казалось, стал ещё заметнее — он весь сжался, как пружина. — Слава Богу, мы выбрались. Я думал, нам хана. Я реально думал, что...

И тут сверху, из верхнего тоннеля, прямо перед его лицом рухнуло нечто огромное.

Звук был такой, будто на пол швырнули мешок с мокрым мясом — тяжёлый, влажный шмяк, от которого пол завибрировал. Во все стороны полетели тёплые, липкие брызги. Что-то попало Лео на губу — и на вкус это было солёное, медное, отвратительное. Кровь.

Лео отдёргнулся, вскинул фонарь. И пожалел.

Тело Габриэля лежало перед ним — обезображенное, искореженное, разорванное. Его горло было перерезано так глубоко, что голову от туловища отделяла лишь тонкая полоска кожи на затылке. Рот был раскрыт, и внутри зияла чёрная, кровавая пустота — язык отсутствовал. Его вырвали с корнем, и по краям рта запеклась чёрная кровь. Глазные впадины — пустые, влажные, с остатками разорванных зрительных нервов, свисавших наружу, как спагетти. Глаза лежали рядом, на бетоне, — два аккуратных, блестящих шарика, которые смотрели в потолок с выражением невыразимого ужаса, застывшего в них навсегда.

Брюхо было вспорото — длинный, рваный разрез от груди до паха, из которого вывалились внутренности. Синие, блестящие петли кишечника, багровая, студенистая печень, розова-

тый, опавший желудок — всё это лежало вокруг тела Габриэля, как содержимое выпотрошенного чемодана. Левая рука отсутствовала вовсе — оторвана вместе с плечом, и на месте раны белела кость, окружённая рваными ошмётками мышц. Обе ноги были сломаны в нескольких местах — открытые переломы, из которых торчали острые осколки берцовых костей. Пальцы на правой руке были вывернуты под неестественными углами, ногти сорваны.

— Вот же ебанный пиздец, — прошептал Лео одними губами. Его лицо, и без того бледное, стало белым, как бумага. Руки затряслись. Фонарь заплесал, выхватывая из тьмы новые, ещё более жуткие детали.

— Бля! — заорал Рафаэль, отшатываясь назад. Его карий глаз задёргался. — Что за хуйня такая?! Кто это сделал?! Где эта тварь?!

Он выхватил из-за пояса разводной ключ — единственное, что было под рукой, — и выставил его перед собой, как меч. Жалкое оружие против того, что скрывалось во тьме.

И тут Лео увидел его.

Краем глаза, случайно поведя фонарём в сторону, он заметил движение. Оно происходило прямо за спиной Рафаэля. Из воды, из самого центра тоннеля, поднималось нечто.

Огромное. Серое. Худое. Вытянутое, как человек, которого растянули на дыбе. Кожа его была гладкой, но какой-то неправильной, болезненной — сквозь неё просвечивали кости, белея матовым светом. Живот твари свисал вниз, до самых колен — отвратительный, дряблый мешок, набитый чем-то тёмным и влажным, что перекачивалось внутри при каждом движении. Пасть была открыта так широко, что нижняя челюсть доставала до груди, а верхняя уходила куда-то к затылку, и в этой пасти, в несколько рядов, росли зубы — тонкие, игольчатые, загнутые внутрь. Из горла твари вырывался сдавленный, булькающий крик — она будто захлёбывалась собственной болью, не в силах ни выплюнуть её, ни проглотить.

Пальцы — длинные, тонкие, как спицы, с острыми, загнутыми когтями на концах — метнулись к плечам Рафаэля. Тот даже не успел обернуться. Только вскрикнул — коротко, испуганно: «Что за...» — и исчез под водой, утянутый тварью в глубину.

— Рафаэль! — заорал Лео, но было поздно.

Вода забурилась, окрасилась алым. Из глубины донёсся крик — долгий, истошный, полный такой нечеловеческой, запредельной муки, что у Лео волосы встали дыбом. А потом на поверхность вылетело тело — то, что от него осталось. Лица не было. Вместо лица — кровавое месиво из раздробленных костей, разорванных мышц и клочьев кожи. Один глаз уцелел — и он смотрел прямо на Лео.

Лео и новенький побежали.

Они не думали, куда бегут. Не думали о лестнице, о выходе, о спасении. Просто неслись по тоннелям, не разбирая дороги, спотыкаясь, падая, поднимаясь и снова бежа. Слёзы текли по их лицам, смешиваясь с грязью и кровью Габриэля и Рафаэля. Сердце колотилось где-то в горле, в висках, в кончиках пальцев. Они слышали только топот собственных ног и собственное дыхание — хриплое, надрывное, как у загнанных зверей.

— Это пиздец какой-то! — орал Лео, и его голос эхом разносился по тоннелям. — Они все мертвы! Они все, сука, мертвы! Господи, помоги! Кто-нибудь, помогите!

Но никто не пришёл на помощь. И Господь, если он и слышал эти крики, предпочёл не вмешиваться.

Они выскочили в другой тоннель. Вода здесь была по колено. И тут из воды, прямо перед ними, выпрыгнула вторая тварь.

Она была меньше первой, но не менее ужасной. Скрюченная, изломанная, с головой, вывернутой под неестественным углом — левое ухо почти касалось правого плеча. Её тело было покрыто какой-то слизью, поблёскивавшей в свете фонарей, и от неё исходил запах — удушающий, гнилостный, как из вскрытой могилы.

Она метнулась к Лео. Её пальцы — длинные, костлявые, с острыми, обломанными ногтями — вонзились в его глаза. Лео закричал. Это был не просто крик боли — это был крик существа, которое уже поняло, что умрёт. Крик, полный ужаса, отчаяния и какого-то последнего, звериного протеста против неизбежного. Тварь давила, проталкивая пальцы всё глубже, пробивая глазные яблоки, глазницы, проникая в мозг. Крик Лео оборвался на середине — так резко, будто кто-то выключил звук. Его тело обмякло и рухнуло в воду, подняв фонтан кровавых брызг.

Новенький остался один.

Он попятился, скользя по мокрому бетону. Ноги не слушались. Он упал — неловко, по-детски, шлёпнувшись задом в холодную, грязную воду, — и замер, глядя на приближающуюся тварь. Слезы градом текли по его щекам, губы дрожали, а из горла вырывались какие-то нечленораздельные, животные звуки.

— Пожалуйста, — прошептал он, и голос его был тихим, как шелест листвы. — Пожалуйста... не надо... я ведь ничего не сделал... прошу вас...

Тварь не слушала. Да и слышала ли она вообще? Она просто надвигалась — молча, неотвратимо, как сама смерть, — и её пасть, жуткая, бездонная дыра, усеянная рядами игольчатых зубов, раскрывалась всё шире. Из горла твари вырвался звук — низкий, kloкочущий, похожий на довольное урчание.

Парень закричал. Он кричал так громко, что надорвал голосовые связки, и крик его сорвался на хрип, а потом на сипение. Тварь схватила его за воротник рубы — когти проткнули ткань и слегка царапнули кожу — и приподняла над водой, поднося к своей пасти. Парень почувствовал её дыхание — горячее, смрадное, пахнущее гнилым мясом. Он закрыл глаза. И стал молиться. Истово, как не молился никогда в жизни, — Отче наш, сущий на небесах...

А потом раздался влажный хруст.

Горячая, густая кровь брызнула ему в лицо — залила глаза, рот, нос. Парень закашлялся, замотал головой, ничего не понимая. Хватка на воротнике исчезла. Он рухнул в воду и, отплываваясь, поднял голову.

Голова твари лежала в метре от него, отделённая от туловища. Чёрная кровь толчками вытекала из обрубка шеи, смешиваясь с канализационной водой. Тело, лишённое головы, постояло секунду — и с громким всплеском рухнуло ниц.

Парень замер. Он не мог пошевелиться. Он даже дышать перестал. Перед ним, в темноте, стояла фигура.

Человеческая. Мужская. Рост — около метра восьмидесяти пяти. Одет в длинное, до колен, тёмное пальто из плотной, грубой ткани, с большим, надвинутым на лицо капюшоном. Плечи широкие, развёрнутые, как у пловца или атлета. Талия узкая, перехваченная ремнём. На ногах — тяжёлые армейские сапоги на толстой, рифлёной подошве, забрызганные чёрной кровью. В правой руке незнакомец держал нечто огромное и увесистое — с первого взгляда не разберёшь, но, кажется, топор или секиру. С лезвия стекала кровь — медленно, капля за каплей.

— Кто это? — прошептал парень, дрожа всем телом. — Пожалуйста, отпустите меня. Я ни о чём не расскажу. Клянусь. Я вообще ничего не видел. Я немой. Я слепой. Я...

Незнакомец не ответил. Вместо этого он шагнул вперёд и схватил парня за руку — грубо, без церемоний. Парень почувствовал, как хрустнули кости в его запястье, и вскрикнул — не столько от боли, сколько от неожиданности. Пальцы незнакомца, обтянутые чёрной кожей перчаток без пальцев, были неестественно бледными — белыми, как снег, как бумага, как кожа покойника. Парень видел их совсем близко — длинные, изящные, с аккуратными, чистыми ногтями, которые никак не вязались с кошмаром, окружавшим их.

— Здесь небезопасно, — произнёс незнакомец. Голос был молодым, низким, с лёгкой хрипотцой — такой голос бывает у людей, которые много и тяжело работают или, наоборот, долго молчат. — Идём отсюда.

Он потащил парня за собой, и тому ничего не оставалось, как подчиниться. Хватка у незнакомца была железной — не вырваться, не дёрнуться. Они прошли несколько десятков метров, свернули в боковой проход, потом ещё в один, и вскоре оказались у лестницы, ведущей к люку. Сквозь щели пробивался серый, утренний свет — слабый, но ослепительный после кромешной тьмы тоннелей.

— А теперь вали отсюда, — сказал незнакомец, отпуская парня. — И быстрее.

Уличный свет упал на его лицо, и новенький наконец смог рассмотреть своего спасителя.

Это был молодой мужчина — на вид лет двадцать пять, может, чуть больше. Лицо его, измазанное засохшей кровью и грязью, было удивительно правильным, почти аристократичным: высокий, чистый лоб, прямые, тёмные брови, тонкий нос с небольшой горбинкой. Но сейчас, в этом полутёмном, сыром подzemелье, оно не казалось красивым. Оно казалось пугающим.

Кожа его была бледной — неестественно, болезненно бледной, с лёгким синеватым отливом, как у человека, который провёл несколько лет в подzemелье без солнечного света. Под глазами залегли глубокие, почти чёрные круги — следы многих бессонных ночей и, возможно, не только бессонных. Скулы — острые, резко очерченные — выступали так сильно, что, казалось, вот-вот прорвут кожу. Челюсть была широкой, квадратной, по-мужски грубой, а подбородок, покрытый лёгкой щетиной, слегка выдавался вперёд, что придавало лицу упрямое, почти агрессивное выражение. Губы — бледные, сухие, потрескавшиеся, со следами запёкшейся крови в уголках — были плотно сжаты, и в этой складке губ читалась суровая, мрачная решимость, не обещавшая ничего хорошего.

Но больше всего парня поразили его глаза.

Голубые. Ярко-голубые, как летнее небо, как бирюза, как ледниковая вода в солнечный день. В них, казалось, можно было утонуть. Они были бы прекрасны — если бы не выражение, которое в них застыло. Холодное, отстранённое, оценивающее. Так смотрит хищник на добычу, размышляя, стоит ли она усилий. Так смотрит палач на приговорённого, прикидывая, куда лучше нанести удар. В этих глазах была мудрость — древняя, как сам мир, — и в то же время что-то совершенно безумное, балансирующее на грани.

Незнакомец был весь в крови. Не в той крови, что брызнула на него только что, а в какой-то старой, запёкшейся, въевшейся в одежду так, что её уже не отстирать. На нём было чёрное пальто из плотной, грубой шерсти, изорванное в нескольких местах, с длинными прорезами на спине и на рукавах, сквозь которые проглядывала серая водолазка с высоким горлом. Пальто было великовато — оно висело на его плечах, как на вешалке, — и это делало его фигуру ещё более зловещей, размывая контуры тела. Джинсы, когда-то, наверное, тёмно-синие или чёрные, были потёрты до дыр на коленях, испачканы грязью и засохшей кровью. Сапоги — высокие, на толстой подошве, со стальными носами — выглядели так, будто прошли через ад в буквальном смысле этого слова. Кожа на них потрескалась, местами облупилась, шнурки были порваны и связаны узлами. На руках — перчатки без пальцев из тонкой, но прочной чёрной кожи, протёртые на костяшках. Сами пальцы — длинные, бледные, с тёмными, почти чёрными венами, пульсирующими под кожей.

И запах. От него исходил запах — не просто запах пота и грязи, а что-то более глубокое, животное. Запах смерти. Запах крови. Запах дыма и серы. Запах, от которого у парня волосы встали дыбом, а в горле поднялся комок тошноты.

Новенький сглотнул. Не отрывая взгляда от незнакомца, он попятился к лестнице, нащупал дрожащими руками перекладины. А потом рванулся вверх — быстрее, чем бегал когда-либо в жизни.

Он вывалился через люк на мокрый асфальт и замер на четвереньках, судорожно глотая ртом холодный, чистый, невероятно вкусный воздух. Уже рассвело. Тучи, плакавшие всю ночь, наконец рассеялись, и над Эвиллем всходило солнце — огромное, золотое, слепящее. Небо было голубым — таким голубым, каким парень не видел его, казалось, уже целую вечность. И это солнце, и это небо, и этот холодный, чистый воздух были так прекрасны, что у него на глазах выступили слёзы.

Он стоял на четвереньках перед открытым люком, не в силах подняться. Тело била крупная дрожь. Сердце колотилось как бешеное, а перед глазами всё ещё стояла та тварь — её пасть, её пальцы, её бездонные, пустые глаза. А за ней — фигура в чёрном пальто. Бледное лицо. Голубые глаза.

Он кое-как закрыл люк — слабые, трясущиеся руки едва справились с этой задачей, — и рухнул на асфальт, раскинув руки в стороны. Всё. Конец. С него хватит. Он больше никогда не спустится под землю. Никогда в жизни.

Рядом остановилась машина — старенький «Рено» грязно-зелёного цвета. Из него вышел мужчина средних лет в потёртой кожаной куртке, с встревоженным лицом.

— Эй, парень! — Он опустил на корточки и легонько похлопал новенького по щекам. — Что произошло? Ты в порядке? Ты меня слышишь? Что с тобой?

Парень не отвечал. Его пустые, остекленевшие глаза смотрели в небо, на голубую красавицу, что раскинулась над ним, даря тепло и свет. Солнце высушивало его мокрую, грязную робу. Ветер трепал его слипшиеся волосы. Он был жив.

Жив.

— Что там, в канализации? — не унимался мужчина. — Я слышал крики. Я вызвал полицию. Что случилось?

Парень медленно сел. Его всё ещё трясло. Он посмотрел на мужчину, потом — на тёмный переулок слева от дороги. Там, в тених, мелькнула фигура в чёрном пальто. Движение — и она исчезла, растворилась в темноте, будто её и не было.

— Там... — начал парень, но осёкся. Что он мог сказать? Что в канализации живут монстры? Что его коллег разорвали на куски какие-то твари? Что его спас мертвец с голубыми глазами, от которого пахло серой? Нет. В такое не поверят. Такое рассказывают только в дурдоме. Да он и сам себе не верил.

— Ничего, — прошептал он. — Ничего не случилось.

Мужчина посмотрел на него с сомнением, но ничего не сказал. Помог подняться. Довёл до машины. Усадил на заднее сиденье.

Парень закрыл глаза. Перед внутренним взором всё ещё стояла фигура в пальто. Голубые глаза. Бледная, как у покойника, кожа. И топор, с которого стекала чёрная, густая кровь.

Кто ты? — подумал он. — *Демон? Ангел? Или что-то совсем другое?*

Ответа не было. Только молчание — тяжёлое, давящее, как бетонные своды канализации, оставшейся позади.

Он знал, что никогда и никому не расскажет о том, что видел этой ночью. Не потому, что боялся. А потому, что словами это невозможно передать. Нужно было самому стоять в том тоннеле, по колено в кровавой воде, и смотреть в голубые глаза человека, который не был человеком.

II

12 октября 2001 года. Вашингтон, округ Колумбия.

В больничной палате на третьем этаже детского отделения двухлетний Бэнджамин Лиин спал, опутанный проводами и трубками. Мониторы тихо попискивали, отслеживая его слабое, нерегулярное сердцебиение. Врождённый порок сердца — диагноз, который прозвучал как

приговор. Врачи говорили об операции, но их глаза отводили в сторону. Никто не давал гарантий. Мальчик угасал с каждым часом.

В эту ночь его отец, Энтони Лиин, сидел один в своём скромном двухэтажном доме на окраине Вашингтона. Дом был белый, бетонный, с деревянными полами, покрытыми старым, местами протёртым линолеумом. Комнаты в нём были небольшие, но уютные, выдержанные в тёплых, песочных тонах. На стенах висели семейные фотографии в деревянных рамках. На полках стояли книги — в основном бухгалтерские справочники и пара любовных романов Скарлетт. В углу гостиной, у камина, стояло большое, мягкое кресло цвета кофе с молоком — любимое место Энтони.

Он не включал свет. Он сидел в этом кресле, в полной темноте, и пил уже третий бокал дешёвого красного вина. Бутылка стояла на журнальном столике, рядом с переполненной пепельницей. Курил он пятую сигарету подряд, зажигая одну от другой, и дым висел в воздухе сизыми, слоистыми облаками. Слёзы текли по его небритым, покрытым щетиной щекам, оставляя влажные дорожки. Он не вытирал их. Он не замечал их. Он вообще мало что замечал в последние дни.

Энтони Лиин был человеком цифр. Помощник директора крупной страховой компании, он привык к строгим костюмам-тройкам (чёрным, отглаженным, с идеально завязанным галстуком), к сухим отчётам, к тому, что всё в мире можно просчитать, разложить по графам, застраховать. Он водил старенькую, но ухоженную «Тойоту», носил строгие туфли «Оксфорд», всегда имел при себе калькулятор и ручку. Ему нравился порядок. Ему нравилась предсказуемость. Он любил свои костюмы — они были его доспехами, его защитой от хаоса внешнего мира.

Но сейчас, в эту ночь, его доспехи висели в шкафу, а сам он сидел в одних домашних штанах и старой, растянутой футболке, и всё его существо кричало от боли и бессилия. Потому что его сын умирал, и никакая страховка, никакой полис, никакой расчёт не могли этому помешать.

Он никогда не верил в Бога. Никогда не ходил в церковь, не крестился перед едой, не шептал молитв перед сном. Его родители были не особенно религиозны, а сам он, погружённый в мир цифр и контрактов, считал религию чем-то вроде сказки. Удобной, утешительной, но всё же сказки. И когда его жена Скарлетт — стройная, всегда аккуратная блондинка с нежными, бархатными руками, работавшая главным бухгалтером в юридической фирме, — говорила ему, что надо бы сходить в церковь, помолиться за Бэна, он только отмахивался. «Молитвы не помогут, — говорил он. — Помогут деньги и хорошие врачи». Но деньги кончились. Врачи развели руками. И впервые в жизни Энтони Лиин, атеист и прагматик, заговорил с небесами.

— Господи, — прошептал он, глядя в тёмный потолок. — Отче наш, сущий на небесах... Я не знаю, есть ли ты. Я не знаю, слышишь ли ты меня. Но если ты есть... Если ты слышишь... Я готов на всё. Я отдам всё, что у меня есть. Я отдам свою душу, слышишь? Душу. Только спаси моего мальчика.

Тишина. Только часы тикают на стене, отсчитывая секунды. Только ветер шуршит за окном, перебирая листву старого дуба. Только потрескивает остывающий камин в гостиной.

А потом из темноты донёсся голос:

— Душу, говоришь?

Энтони вздрогнул так, что расплескал вино. Бокал выпал из его пальцев и покатился по ковру, оставляя тёмное, багровое пятно. Он обернулся — резко, рывком.

В дверях гостиной стоял незнакомец.

Он не вошёл. Он не подошёл. Он просто *возник* — материализовался из сгустившейся в углу тени, как будто тьма сама исторгла его из своего чрева. Он был высок — метр девяносто, а то и больше. Сухой, жилистый, как старый пергамент, завернутый в длинное, до пят, чёрное пальто с широкими фиолетовыми отворотами на рукавах и лацканах. Под пальто уга-

дывалась чёрная рубашка с высоким воротником, заправленная в чёрные же брюки. На ногах — сапоги из матовой, тусклой кожи, с серебряными пряжками. На руках — перчатки, тоже чёрные, из тонкой, как паутина, ткани. На предплечьях, поверх рукавов, были надеты широкие фиолетовые наручи с выдавленными на них рунами — руны слабо светились в темноте, пульсируя алым.

Седые, почти белые волосы были зачёсаны назад, открывая высокий, изрезанный морщинами лоб. На левой стороне лица — глубокий, рваный шрам, проходящий через бровь, через глаз (сам глаз был цел, но выглядел иначе — красноватый, воспалённый), через щёку до самой челюсти. Вокруг губ — усы и борода, подходящая к груди, — седые, с лёгкой желтизной, как старая слоновая кость. И глаза. Господи, его глаза. Они были красными — не как у пьяницы или усталого человека, а как тлеющие угли, как расплавленный металл, как само пламя ада. Они светились в темноте собственным, внутренним светом, и в их глубине, казалось, можно было разглядеть лица проклятых.

В комнате резко похолодало. Термометр за окном показывал плюс пятнадцать, но Энтони увидел, как из его рта вырывается облачко пара. Он почувствовал холод, ползущий по ногам, по рукам, по спине. И запах — тяжёлый, сладковатый запах серы, смешанный с чем-то ещё, чем-то, напоминающим гниющую плоть.

— Кто вы? — голос Энтони дрогнул, сорвался на хрип. Он вжался в спинку кресла, побелевшими пальцами вцепившись в подлокотники. — Как вы вошли? Дверь закрыта. Я проверял.

Старик усмехнулся — одними уголками губ.

— Неважно, — произнёс он. Голос его был низким, скрипучим, как несмазанные дверные петли, и в то же время в нём слышалась странная, почти гипнотическая мелодичность. — Ты просил о спасении. Я здесь, чтобы его предложить.

Он шагнул вперёд — медленно, плавно, нисколько не сомневаясь в своих движениях. Его осанка была идеально ровной, голова гордо поднята, и в каждом жесте сквозила такая уверенность, такая власть, что Энтони на секунду почувствовал себя букашкой под микроскопом. Половицы закрипели под его сапогами — тяжело, основательно. От его плаща исходил холод, и этот холод расползлся по комнате, как туман.

— Спасения? — Энтони нервно усмехнулся. — Вы врач? Вы из больницы?

— Я тот, кто может спасти твоего сына. — Старик извлёк из складок плаща свиток пергамента. Он был тонкий, пожелтевший от времени, с неровными, обожжёнными краями. Весь свиток был исписан мелкими, угловатыми буквами на неизвестном языке — буквы слабо светились, пульсируя алым, в такт биению сердца. — Подпиши здесь. И Бэнджамин будет жить.

— Подписать? — Энтони нервно сглотнул. — Но у меня нет ручки.

— Ручка не понадобится. — Старик протянул ему свиток. — Просто коснись.

Энтони смотрел на пергамент, и его разум лихорадочно работал. Он понимал — или догадывался, — что это такое. Сделка. Договор. Цена. Он читал об этом в книгах. Он видел это в фильмах. Но одно дело — читать о таком в романе Стивена Кинга, и совсем другое — держать в руках настоящий дьявольский контракт, написанный на коже неизвестного существа. В висках стучало. Сердце колотилось как бешеное. Алкоголь туманил мозг, но даже сквозь этот туман он понимал, что это неправильно. Это всё неправильно.

Но где-то там, в больничной палате на третьем этаже, лежал его сын. Бэнджамин. Бэнни. Его маленький мальчик с пухлыми щёчками и задорной улыбкой, который ещё не научился толком говорить, но уже умел смеяться так, что у всех вокруг теплело на душе. Он умирал. И никто — ни врачи, ни банки, ни страховые компании — не могли его спасти.

А этот старик обещал.

— Просто коснуться? — переспросил Энтони.

— Да.

Дрожащая рука потянулась к свитку. Пальцы — белые, непослушные — коснулись края пергамента. Он оказался острым, как лезвие бритвы. Кожа на большом пальце лопнула, и крошечная, алая капля упала на пергамент. Она впиталась мгновенно — будто свиток выпил её, — и буквы на нём вспыхнули алым светом, на секунду осветив всю комнату, а потом погасли.

Старик улыбнулся. Его зубы были жёлтыми, неровными, с заострёнными краями — зубы старого, матёрого хищника, который ещё способен загрызть добычу.

— Достаточно.

— Что? — Энтони отдернул руку и уставился на крошечную ранку на пальце. — Но я даже не прочитал...

— Ты всё прочитал, — перебил его старик, сворачивая пергамент и пряча его под плащ. Движения его были быстрыми, точными, как у фокусника. — Твоя кровь — твоя подпись. Сделка заключена. Мальчик будет жить.

— И что взамен? — голос Энтони дрожал, но в нём появилась твёрдость. — Что вы хотите? Деньги? Душу? Я же сказал — я отдам свою душу. Только не трогайте моего сына.

Старик посмотрел на него — долгим, изучающим взглядом, от которого по спине побежали мурашки.

— Взамен? — он растянул слово, смакуя его, как гурман смакует изысканное блюдо. — Пока — ничего. Но когда придёт время, я приду за своей платой. А теперь — спи.

Он шёлкнул пальцами. Звук был резкий, сухой, как выстрел. Энтони моргнул — рефлекторно, непроизвольно. А когда открыл глаза, старика уже не было.

Только запах серы. И клуб чёрного дыма, медленно тающий в воздухе.

Энтони рухнул в кресло. Его трясло. Мелкая, противная дрожь была всё тело — от пяток до макушки. На лбу выступил холодный пот. Он смотрел на крошечную ранку на пальце, на каплю крови, всё ещё сочившуюся из пореза, и не мог понять: это было на самом деле? Или он просто допил до белой горячки?

На самом деле, — сказал он себе. — Нет. Этого не может быть. Я просто устал. Просто перенервничал. Просто...

Но надежда — та самая надежда, которую он похоронил неделю назад, когда врачи в последний раз покачали головами, — снова затеплилась в груди. Маленькая, робкая, но живая.

Через неделю, 19 октября 2001 года, Бэнджамин Лиин был признан полностью здоровым.

Энтони получил письмо из больницы, когда вернулся с работы. Он стоял у серого почтового ящика, сжимая в руках конверт, и его пальцы дрожали. Он разорвал бумагу. Пробежал глазами по строкам.

«...ваш ребёнок абсолютно здоров... все исследования не выявили никаких патологий... рекомендуем проходить обследование раз в полгода...»

Он не помнил, как забежал в дом. Не помнил, как закричал — громко, радостно, перебудив всех соседей. Он помнил только, как Скарлетт заплакала от счастья, как Элиза запрыгала по комнате, как он сам, смеясь и плача одновременно, обнимал их обеих и всё повторял:

— Бэн здоров! Он здоров! Наш мальчик здоров!

В ту ночь, уложив детей спать, он вышел в сад. Ему не спалось — радость и тревога смешались в груди, не давая покоя. Он закурил сигарету, глубоко затянулся, выпустил дым в звёздное небо. Сзади был маленький садик — аккуратно подстриженный газон, белый столик под тканевым козырем, низенькие, идеально ровные кустики вдоль забора. Идиллия. Картинка из журнала «Дом и сад».

И в этой идиллии, как грязное пятно на белой скатерти, стоял он.

— Теперь твоя часть договора, — произнёс голос из темноты.

Энтони вздрогнул, выронил сигарету. Обернулся. Старик стоял под старым дубом — чёрный силуэт на фоне звёздного неба. Его красные глаза горели во тьме, как два маяка, указывающих путь в преисподнюю.

— Какая часть?! — выкрикнул Энтони. — Я ничего не подписывал! Я просто коснулся! Вы сами сказали — «просто коснись»! Я даже не знаю, что там было написано!

— Ты просил спасти сына. — Старик шагнул вперёд, и лунный свет упал на его лицо. Оно было спокойным, почти доброжелательным. — Я спас. Теперь пришло время платить.

— Что вам нужно? Деньги? Я достану деньги. Сколько?

Старик рассмеялся — низко, раскатисто, и этот смех эхом отразился от стен дома.

— Деньги? Мне не нужны твои жалкие бумажки, Энтони. Мне нужен мальчик.

— Нет! — Энтони сжал кулаки. — Я не отдам вам сына! Я лучше сам...

— Ты уже отдал. — Старик внезапно оказался рядом — в метре, не больше. Энтони не заметил, как он переместился. — Ты поставил подпись. Своей кровью. Сделка есть сделка.

— Я не читал договор! Это недействительно!

— Ох, Тони... — старик покачал головой с выражением снисходительного сожаления. — Ты плохо знаешь меня. И законы, по которым я работаю. Адвокаты здесь не помогут.

Он шагнул ещё ближе, и Энтони почувствовал исходящий от него жар — сухой, обжигающий, как из открытой печи.

— Мальчик будет жить. Он вырастет. Но его тело, его душа — они принадлежат мне. И когда придёт время, он послужит моим целям. Поверь, это всяко лучше, чем гнить в вашей загнивающей американской армии.

— Кто ты? — прошептал Энтони, отступая. — Кто ты такой?!

— Моё имя — Мистит. — Старик слегка поклонился, и в этом поклоне было что-то издевательское. — Я один из губернаторов Ада. И со мной, Тони, шутки плохи.

Он выпрямился, и его лицо исказилось — черты заострились, рот растянулся в неестественно широкой улыбке, глаза полыхнули алым.

— Отдай мне мальчика! — прорычал он демоническим, искажённым голосом, в котором, казалось, слились воедино десятки плотов. — Отдай его жизнь мне!

— Нет! — Энтони, обезумев от страха и ярости, бросился на старика и ударил его кулаком в челюсть.

Кулак прошёл сквозь Мистита, как сквозь туман. Энтони, потеряв равновесие, рухнул на траву.

Старик стоял над ним и смеялся.

— До встречи, Тони, — сказал он. — Береги мальчика. Он мне ещё понадобится.

И исчез.

На крики из дома выбежала Скарлетт — растрёпанная, испуганная, в бежевой пижаме с узором из маленьких сердечек. За ней, кутаясь в синюю пижаму с изображением солнца, семенила Элиза.

— Милый, что случилось? — Скарлетт опустилась на колени рядом с мужем, обняла его. Её руки — нежные, бархатные — легли на его плечи. — Что произошло?

— Завтра... — прошептал Энтони. — Завтра мы переезжаем.

— Что? Куда? Почему?

— Папа? — Элиза стояла в дверях, прижимая к груди старого плюшевого медведя. Её глаза были полны слёз — она чувствовала, что случилось что-то страшное. — А как же мои друзья? А как же школа?

Энтони поднялся, отряхнул колени. Посмотрел на жену. На дочь. На их испуганные, растерянные лица. И соврал.

— Папе надо по делам, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Это ненадолго. Во Франции есть хорошая работа. Мы ненадолго. Только на пару лет.

Элиза не стала спорить. Она всегда была послушной дочерью — нежной, робкой, как ангел. Но в её глазах Энтони увидел что-то, от чего у него сжалось сердце. Она не верила ему. Она знала, что он врёт.

Они собрали вещи за одну ночь. Утром, в десять часов, уже сидели в аэропорту. Четыре чемодана, две ручные клади, детское кресло для Бэна и красная «Тойота», оставленная на долгосрочной парковке — вот и всё, что осталось от их американской жизни. Энтони купил самые дешёвые билеты, какие смог найти. Самолёт летел до Парижа. Оттуда поездом — в Эвилль. Город, о котором Энтони раньше никогда не слышал. Город, который он выбрал, ткнув пальцем в карту.

Эвилль оказался странным, ни на что не похожим местом. Представьте себе Париж с его узкими, мощёными брусчаткой улочками, с готическими соборами, устремившими свои шпили в небо, с маленькими кондитерскими, где пахнет круассанами и кофе, — и поверх всего этого представьте Нью-Йорк с его стеклянными небоскрёбами, неоновыми вывесками, круглосуточными барами и вечным, неумолкающим шумом. Смешайте эти две картинки — и получите Эвилль. Город, в котором старинные каменные дома терялись на фоне стальных гигантов. Город, где на углу средневековой улочки можно было увидеть рекламу нового айфона. Город, который никогда не спал — даже в три часа ночи здесь горели витрины, играла музыка, и по тротуарам бродили толпы людей.

Жить здесь было тяжело, но возможно. Семья Лиин сняла маленькую, скромную квартиру в центре города, район Молор-Луре — район, представлявший собой Нью-Йорк чистой воды, сердце города, на котором в основном все и держится. Город состоял из многоквартирных человекоушек, вокруг которых обязательно стояло здание с каким-либо казино или бар-делем, баром и прочими человеческими шалостями. Две комнаты, кухня, совмещённый санузел. Мебель старая, но добротная. Из окна открывался вид на стену соседнего дома — серого, обшарпанного, с ржавыми пожарными лестницами. Но зато рядом была школа для Элизы, недалеко — офис страховой компании, где Энтони нашёл работу, и юридическая фирма, куда устроилась Скарлетт. Жизнь понемногу налаживалась.

Месяцы шли. Мистит не появлялся. Энтони почти убедил себя, что всё это был сон — пьяный, дурной, страшный сон. Но по ночам он просыпался в холодном поту и шёл проверять, дышит ли Бэн.

III

1 июня 2008 года. Бэну было девять лет.

Они возвращались из цирка. Это был прекрасный, солнечный, тёплый летний день — один из тех дней, которые остаются в памяти навсегда, как осколок чистого, незамутнённого счастья. Цирк находился на другом конце города, в огромном полосатом шатре, и представление было великолепным. Клоуны с красными носами и нелепыми ботинками, акробаты, взлетавшие под купол на трапециях, фокусник, достававший из шляпы живого кролика, и, конечно, слоны — огромные, серые, величественные, с грустными, мудрыми глазами. Бэн, сидевший между мамой и папой, смеялся и хлопал в ладоши.

Теперь они ехали домой. Красная «Тойота» — та самая, что пережила переезд через океан, — мягко катила по асфальту. За рулём сидел Энтони, одетый по-летнему: красная рубашка-поло с коротким рукавом, светлые брюки, лёгкие кожаные туфли. Его лицо, покрытое первыми морщинками, выражало спокойное, умиротворённое довольство. Рядом с ним сидела Скарлетт — её светлые, блондинистые волосы развевались на ветру из открытого окна. Она была одета в белоснежную майку, подчёркивавшую её всё ещё стройную фигуру, и лёгкие шорты. На ногах — босоножки с ремешками. Ей было тридцать девять, но выглядела она едва на тридцать — спасибо хорошей генетике и французской косметике.

На маленьком Бэне были синеватые шорты до колен, такая же синеватая футболка с принтом в виде динозавра и новенькие кроссовки с белыми шнурками. Его лицо, ещё по-детски пухлое, сияло от счастья. В руках он сжимал остатки сахарной ваты — липкой, розовой, тающей на языке.

По радио что-то говорили про запуск шаттла «Дискавери», про японскую лабораторию «Кибо», про шесть американских астронавтов и одного японского. Энтони слушал вполуха. Скарлетт дремала, пригревшись на солнце. Бэн попытался доест вату, но она уже превратилась в липкий комок.

— Бэн, как тебе? Понравилось представление? — спросила Скарлетт, оборачиваясь назад.

— Да, мама! — Бэн широко улыбнулся, продемонстрировав дырку на месте выпавшего молочного зуба. — Особенно слоны! Они такие большие! Я хочу слона!

— Ну, деньги точно не на ветер ушли, — заметил Энтони.

— Вечно ты о деньгах, — Скарлетт улыбнулась и чмокнула мужа в щёку. — Экономный ты мой Тони.

— А что такого? Деньги считать надо. Тем более что слона мы ему всё равно не купим.

Все рассмеялись. И в этот момент — момент абсолютного, чистого счастья, когда всё было хорошо и правильно, — на дороге, прямо перед въездом в их район, появился человек.

Он стоял посреди проезжей части — неестественно прямой, как столб, — и смотрел прямо на машину. Высокий, в длинном, до пят, чёрном пальто. Седые волосы, развевающиеся на ветру. Энтони видел его лицо — видел шрам, пересекающий левую щёку, видел красные, горящие глаза, видел дьявольскую улыбку.

Мистиф.

Никто больше его не заметил. Скарлетт смотрела в телефон. Бэн — о, ирония судьбы — в этот самый момент закрыл глаза, пытаясь слизнуть с пальцев остатки сахарной ваты.

Энтони крутанул руль. Резко, отчаянно, инстинктивно — просто чтобы не врезаться в человека на дороге. Машина вильнула вправо. Колесо попало в выбоину на обочине. Раздался хлопок — громкий, резкий, как выстрел. «Тойота» подпрыгнула, завалилась на бок, перевернулась. Мир за окном превратился в калейдоскоп из неба, асфальта, травы. Металл стонал. Стёкла лопались, разлетаясь фонтанами осколков. Крики — чьи-то крики, — заглушённые рёвом мотора и скрежетом металла. А потом — тишина.

Энтони умер мгновенно. Арматурный прут, вылетевший из багажника при ударе, пронзил его грудь насквозь — вошёл под левую лопатку и вышел через сердце. Он не успел ничего почувствовать. Его глаза, всё ещё открытые, застыли, глядя в никуда, и в них — в последний миг — отразился не страх, а горькое, отчаянное осознание: *не убежал*.

Скарлетт умерла через несколько секунд. Другой прут вошёл ей в живот и разорвал печень. Она ещё дышала, когда Бэн очнулся, — хрипло, неровно, с булькающим звуком. Кровь толчками вытекала из раны, пропитывая сиденье, капая на пол, собираясь в лужицу на потолке (который теперь был внизу). Её губы беззвучно шевелились — она звала детей или молилась, неизвестно.

Бэн открыл глаза.

Он висел вниз головой, пристёгнутый ремнём безопасности. В ушах звенело. Перед глазами всё плыло — красное, чёрное, серое. Он попытался пошевелиться — и острая боль пронзила плечо. Что-то было сломано. Он не понимал, что именно. Он вообще мало что понимал.

Первое, что он увидел, были ноги. Чьи-то ноги в босоножках — прямо перед его лицом. Он поднял взгляд выше. Мама. Она висела на ремне безопасности — таком же, как у него, — и её глаза были открыты. Но они не смотрели на него. Они смотрели сквозь него — в какую-то точку за его спиной, где уже никого не было.

— Мама? — прошептал Бэн. — Мама, очнись.

Она не очнулась.

Он повернул голову — это стоило ему невероятного усилия, — и увидел отца. Энтони сидел на водительском сиденье (или, вернее, висел на нём, потому что машина лежала на крыше), и из его груди торчало что-то длинное, тёмное, блестящее от крови. Бэн не сразу понял, что это такое. А когда понял, его замутило.

Слёзы брызнули из глаз — горячие, солёные, смешиваясь с кровью, которая текла откуда-то из рассечённого лба. Бэн никогда не чувствовал такой боли — не физической (к ней он почти привык за годы школьных побоев), а какой-то другой, более глубокой, разрывающей изнутри. Он плакал и звал маму и папу. Никто не отвечал.

Он сам не понял, как отстегнул ремень. Пальцы — маленькие, дрожащие, все в крови — нажали на кнопку, нажали. Ремень щёлкнул, и Бэн рухнул на потолок автомобиля, больно ударившись сломанным плечом. Он закричал — но крик потонул в звоне, всё ещё стоявшем в ушах.

Окно было разбито. Осколки стекла усеивали всё вокруг, блестя в лучах заходящего солнца, как алмазы. Бэн пополз к окну — на четвереньках, потом на животе, волоча непослушное тело по битому стеклу. Осколки впивались в ладони, в колени, в живот. Он не чувствовал их. Он вообще перестал чувствовать боль. Осталось только одно желание — выбраться. Выбраться из этой искорёженной, смятой, окровавленной консервной банки, которая ещё полчаса назад была семейным автомобилем.

Он выполз. Прополз несколько метров по траве — мокрой, холодной, пахнущей землёй и бензином. А потом машина взорвалась.

Взрывная волна ударила в спину, швырнула Бэна лицом в траву. Жар опалил затылок. Бэн лежал, распластавшись, и слушал, как за его спиной ревет пламя, пожирая останки «Тойоты» и его родителей. Он не оборачивался. Он не мог.

Через некоторое время — он не знал, сколько прошло, может, десять минут, а может, и час — рядом остановилась другая машина. Хлопнула дверца. Быстрые шаги по асфальту. Чей-то голос — молодой, взволнованный, — говорил по телефону, вызывая скорую.

А потом над Бэном склонился человек. Молодой парень в тёмных джинсах, полусапогах и простой чёрной футболке. У него было приятное, располагающее лицо — тёмные волосы, правильные черты, лёгкая небритость. Он опустился на корточки и заглянул Бэну в глаза.

— Всё будет хорошо, парень, — сказал он. — Я Майлз Пакертон. Я полицейский. Я о тебе позабочусь.

И тогда — впервые, но далеко не в последний раз — Бэн почувствовал холод. Не физический холод, не озноб от шока и потери крови. Другой холод. Ментальный. Душевный. Тот самый холод, который он ощущал в ту ночь, когда отец заключил сделку. Тот самый холод, который исходил от Мистита. Он поднял глаза на Майлза — и ему показалось, что в глубине его зрачков, на одну короткую, почти неуловимую секунду, полыхнул красный огонь.

Но он был слишком мал. Слишком измучен. Слишком раздавлен горем. И он ничего не сказал.

Майлз довёз Бэна до больницы. Ему обработали ноги, руки, голову — десятки мелких порезов, ушибов, синяков. Сломанное плечо вправили и зафиксировали. Сказали, что он родился в рубашке. Сказали, что ему повезло. Бэн молчал.

Потом Майлз отвёз его домой. К Элизе.

Элиза открыла дверь — в ночнушке, босая, с распущенными волосами. Она увидела брата — всего в бинтах, в крови, с пустым, ничего не выражающим взглядом — и закричала.

— Что случилось?! Где мама?! Где папа?!

Она кричала долго. Сначала — вопросы, требования, мольбы. Потом — просто крик, животный, истошный, полный боли. Майлз обнял её — крепко, по-хозяйски. Прижал к себе. Что-то зашептал на ухо. И Элиза — Бэн видел это отчётливо, ясно, как на фотографии —

начала затихать. Её плечи перестали вздрагивать. Крики сменились всхлипами, всхлипы — тихим, ровным дыханием. Её глаза, ещё минуту назад полные отчаяния, стали... пустыми? затуманенными? Бэн не мог подобрать слова. Но он понял — с Майлзом что-то не так. Что-то очень, очень неправильное.

Позже, когда Майлз ушёл, они сидели в маленькой комнатке Бэна. Элиза опустилась на колени перед его кроватью, обняла его, прижала к себе. Бэн плакал. Впервые за весь день — по-настоящему, навзрыд, не сдерживаясь.

— Это всё из-за меня, — шептал он, захлёбываясь слезами. — Не надо было в этот цирк идти. Если бы мы не поехали в цирк...

— Не вини себя, братик. — Элиза гладила его по голове, и её голос — ласковый, как пение соловья, — был полон слёз. — Ты не виноват. Ни в чём не виноват. Так получилось. Так... получилось.

— Сестрёнка! — Бэн вцепился в неё так, будто хотел врасти, слиться, стать одним целым. — Я боюсь! Мне страшно!

— Не бойся. Я с тобой. Я всегда буду с тобой. Я буду любить тебя, как сестра и как мама. Бог и я — мы не дадим тебя в обиду. Слышишь? Никогда.

Она уложила его в кровать, закутала в одеяло, поцеловала в лоб. Выключила свет. Вышла, тихо прикрыв за собой дверь.

Бэн остался один.

И тогда он почувствовал это. Знакомое, мерзкое, липкое ощущение — будто кто-то сверлил ему спину взглядом. Он лежал лицом к стене, боясь пошевелиться. Сердце колотилось где-то в горле. Холодный пот выступил на лбу. *Нет. Пожалуйста. Только не сейчас. Только не сегодня.*

Любопытство — или что-то другое, более тёмное — пересилило страх. Он медленно, очень медленно повернулся на спину.

Над его кроватью стоял Мистит.

Он был точно таким же, как в ту ночь, когда приходил к отцу — высокий, сухой, в длинном чёрном пальто. Его красные глаза горели в темноте, освещая лицо зловецим багровым светом. Шрам на щеке, казалось, пульсировал. Он смотрел на Бэна — и улыбался. Ласково. Почти по-отечески.

— Теперь нам ничто не помешает, мой маленький Бэнни, — прошептал он. Его голос был тихим, вкрадчивым, обволакивающим.

Он протянул руку — длинную, костлявую, с острыми, жёлтыми ногтями — и коснулся щеки Бэна. Пальцы были горячими, как раскалённый металл. Бэн хотел закричать — и не мог. Хотел убежать — и не мог. Его тело оцепенело, будто парализованное ядом. Только глаза — широко раскрытые, полные невыразимого ужаса — следили за каждым движением старика.

— Ты мой, — прошептал Мистит. — Ты всегда был моим. С самого рождения. Спи спокойно, мальчик. Мы ещё увидимся.

Он растворился в клубе чёрного дыма. Дым рассеялся, оставив после себя запах серы и липкое, тошнотворное ощущение чужого присутствия.

Бэн начал молиться. Он шептал слова, которые слышал от матери, — «Отче наш, сущий на небесах, да святится имя Твоё», — но слова застревали в горле, путались, теряли смысл. Он молился Богу, в которого не верил. Молился, чтобы этот кошмар прекратился. Чтобы этот старик оставил его в покое.

Но Мистит не оставил.

С этого дня он приходил каждую ночь. Иногда стоял в углу и просто смотрел. Иногда подходил ближе и гладил Бэна по голове, нащёптывая что-то неразборчивое. Иногда просто сидел на краю кровати, как заботливый дедушка, и улыбался своей жуткой, дьявольской улыб-

кой. Бэн просыпался в холодном поту, кричал, звал сестру — но когда Элиза вбежала в комнату, в ней уже никого не было. Только запах серы. Только тени в углах.

Он рассказал Элизе о «галлюцинациях». Та отвела его к психиатру — седому, усталому мужчине в очках с толстыми линзами, который выписал Бэну таблетки и сказал, что это «посттравматическое расстройство на фоне перенесённого шока». Таблетки не помогали.

Мистит всё равно приходил.

IV

После страшной катастрофы прошло пять лет. Бэну было четырнадцать, и его жизнь превратилась в бесконечный, монотонный кошмар.

Каждый день одно и то же. Проснуться. Умыться. Позавтракать (если было чем). Пойти в школу (где его ждали издёвки и побои). Вернуться домой. Сделать вид, что всё нормально. Лечь спать. Увидеть во сне Мистита. Проснуться в холодном поту. И так по кругу.

Школа была худшим местом на земле — после, конечно, общественного туалета на автовокзале и заброшенного склада в Уэйл-порте. Одноклассники травили Бэна с первого дня. Сначала за то, что он американец (в Эвилле это считалось почти преступлением). Потом за то, что он странный — тихий, замкнутый, вечно озирающийся по сторонам. Потом — за то, что его сестра «шлюха» (так говорили старшеклассники, и Бэн ничего не мог им возразить — сам он уже начинал в это верить).

В этот день всё было как обычно. Декабрь, холод, снег, превратившийся в серую кашу под колёсами машин. Бэн опоздал на первый урок минут на пятнадцать и теперь плёлся по пустому школьному коридору, надеясь проскользнуть в класс незамеченным. Его школьная форма — чёрные брюки, чёрная жилетка, белая рубашка, бабочка на шее — была помята и испачкана. Портфель, который он тащил в правой руке, был старым, потёртым, с оторванной лямкой. На ногах — кроссовки (на зимние ботинки денег не хватило), уже промокшие насквозь.

Учительница — сухая, строгая старуха лет семидесяти с седыми буклями и в розовом пальто, накинутом на плечи, — поджала губы, увидев его.

— Здравствуйте, можно войти? — спросил Бэн, стараясь, чтобы голос звучал как можно тише и незаметнее.

— Да, только быстро.

Он проскользнул на своё место — последняя парта у окна, — сел, достал учебник. Всё как всегда. Урок тянулся бесконечно. Бэн смотрел в окно, за которым кружились редкие снежинки, и думал о своём.

И тут он увидел его.

Мистит стоял за окном. Прямо на школьном дворе, за забором, у старого дуба. Он был одет в то же чёрное пальто, что и всегда, и его седые волосы были зачёсаны назад. Он не двигался. Просто стоял и смотрел. Прямо на Бэна. И улыбался — ехидно, торжествующе, будто говоря: *никуда ты от меня не денешься, мальчик. Я всегда рядом. Всегда.*

Бэн моргнул — и Мистит исчез. На его месте была только пустая, заснеженная лужайка. Холодный пот выступил на лбу. Сердце забилось быстрее. *Галлюцинация. Просто галлюцинация. Таблетки, наверное, перестали действовать. Нужно увеличить дозу.*

Большая перемена. Бэн вышел во двор, надеясь, что свежий воздух приведёт его в чувство. Снег скрипел под ногами. Морозный воздух обжигал лёгкие. Он вдохнул полной грудью — и снова увидел его. Мистит стоял в тени школьного забора и смотрел. Теперь он не улыбался — просто наблюдал, как учёный наблюдает за лабораторной мышью.

— Чего, мудила, смотришь?

Бэн вздрогнул и обернулся. Позади него стояли старшеклассники — человек пять или шесть. Все как на подбор: неряшливо одетые, с наглыми, самодовольными лицами. Лидер — тощий, с кудрями, напоминавшими птичье гнездо, и с вечной сигаретой в зубах. Рядом с ним

— жирный, с прыщавым лицом и маленькими, заплывшими глазками. Остальные — просто массовка, статисты, готовые поддержать вожака.

— Ты, кстати, слышал, что твоя сестра шлюха? — продолжал кудрявый, сплёвывая на снег. — Говорят, она со всем полицейским участком переспала. И с Майлзом, и с его друзьями. Что скажешь?

Бэн сжал кулаки. В висках застучало. Он знал, что не надо отвечать. Знал, что лучше промолчать, развернуться и уйти. Но что-то внутри него — может быть, накопившаяся за годы ярость, может быть, присутствие Мистита за спиной — требовало ответа.

— Может быть, — сказал он, глядя кудрявому прямо в глаза. — Но ей нужен стажёр. Твоя мамка, думаю, на эту роль подойдёт.

На секунду повисла тишина. Кудрявый захлопал глазами — он явно не ожидал, что жертва даст отпор. А потом его лицо исказилось от злобы.

— Ты чё сказал, щенок?!

Жирный ударил первым — без предупреждения, без замаха, просто врезал кулаком в солнечное сплетение. Бэн согнулся пополам, хватая ртом воздух. А дальше посыпались удары — методичные, жестокие, безжалостные. По голове. По спине. По плечам. По почкам. Он упал на снег, свернулся калачиком, прикрывая голову руками — старая, проверенная тактика. Били его ногами — тяжёлыми, зимними ботинками, которые оставляли на теле синяки и кровоподтёки. Бэн не кричал. Не просил пощады. Просто терпел, стиснув зубы, считая удары. Раз. Два. Три. Четыре...

— Так! Это что такое?!

Голос учительницы — миссис Ларенктон, молодой, строгой, подтянутой, — разнёсся над двором. Хулиганы тут же отпрянули, разбежались в разные стороны, как стая гиен при появлении льва. Учительница подбежала к Бэну, помогла ему подняться.

— Ты как? — спросила она, с тревогой вглядываясь в его лицо.

— Со мной всё хорошо, миссис Ларенктон, — прохрипел Бэн, сплёвывая кровь. — Просто упал.

— Упал, как же. — Она поджала губы, но ничего больше не сказала. Она уже знала, что Бэн никогда не называет имён. И она знала, почему. Потому что месяц назад Бэна избили до черепно-мозговой травмы, и тогда Элиза, получив звонок из школы, примчалась и забрала его в больницу. И с тех пор Бэн молчал. Называть имена было бесполезно — обидчиков не наказывали. Зато наказывали его самого — ещё сильнее, ещё злее, ещё изощрённее.

Уроки закончились в три. Уже начинало темнеть — зимний день короток. Бэн вышел из школы и поплёлся домой. Путь его пролегал через пустынный, плохо освещённый переулок, где обычно собирались местные алкаши. Сегодня здесь было пусто. Подозрительно пусто.

И тут он снова увидел его.

Мистит шёл прямо на Бэна. Не стоял, не наблюдал, не прятался — а *шёл*. Быстро, целеустремлённо, и его ноги, казалось, не касались земли. Он летел над асфальтом, как призрак, как оживший кошмар. Его красные глаза горели, как два прожектора, и в их свете Бэн чувствовал себя зайцем, пойманным в свете фар.

Он побежал.

Никогда в жизни он не бегал так быстро. Ноги сами несли его по переулкам, через дворы, мимо мусорных баков и ржавых гаражей. Ветер свистел в ушах. Лёгкие горели от нехватки кислорода. Мышцы ног сводило судорогой, умоляя остановиться. Но он не останавливался. Он бежал, бежал, бежал — и с каждым шагом чувствовал, как холодное дыхание Мистита касается его затылка.

Город вокруг странным образом опустел. Ни людей, ни машин, ни бродячих собак — никого. Только пустые улицы, залитые оранжевым светом фонарей. Только снег, хрустящий под ногами. Только страх, сковавший всё тело ледяным панцирем.

Он влетел в подъезд, взбежал по лестнице, трясущимися руками открыл замок (ключ всё время выскальзывал из пальцев, падал, и он чертыхался, поднимая его с пола). Ввалился в квартиру. Захлопнул дверь. Запер на все замки. Прислонился спиной к стене и сполз вниз, тяжело дыша.

— Бэн? Это ты?

Элиза вышла из кухни, вытирая руки полотенцем. Увидела брата — побитого, в грязной, порванной одежде, с кровоподтёком на скуле и разбитой губой — и тяжело вздохнула.

— Те же хулиганы?

— Угу.

— Почему ты не можешь ответить, кто это?! — в её голосе зазвенели истерические нотки. — Я бы сообщила Майлзу, и он поговорил бы с ними! Почему ты молчишь?! Почему ты всё время молчишь?!

— Потому что это бесполезно! — Бэн вскочил на ноги. — Твой Майлз ничего не сделает! Он только и умеет, что...

Он осёкся. Потому что увидел её лицо. Увидел, как изменилось её выражение — от тревоги к гневу, от гнева к чему-то, похожему на ненависть. И он понял, что снова проиграл.

— Не смей, — прошептала она. — Не смей говорить о нём плохо.

— Элиза, я...

— Заткнись! — она закричала, и слёзы брызнули из её глаз. — Просто заткнись, Бэн! Я устала! Я так устала!

Она развернулась и ушла на кухню. Хлопнула дверью.

Бэн постоял ещё минуту, глядя ей вслед. Потом развернулся и ушёл в свою комнату. Там он лёг на кровать, свернулся калачиком и заплакал — тихо, беззвучно, чтобы никто не услышал. Чувство безысходности, его вечный спутник, снова было рядом — гладило по голове, нащёптывало на ухо: *ты один. Ты всегда был один. Так будет всегда.*

Через полчаса дверь открылась. Элиза вошла неслышно, села на край кровати. Положила руку на плечо Бэна.

— Прости меня, братик, — прошептала она. — Я не знаю, что со мной. Прости.

Он повернулся, обнял её. Так они и сидели — двое сирот, прижавшихся друг к другу, как два замёрзших воробья в зимнюю стужу. Слёзы текли по их щекам, смешиваясь, и в этом молчании было больше любви, чем в любых словах.

V

К девятнадцати годам Бэнджамин Лиин превратился в то, что люди называют «пропащим». У него не было работы. Не было образования (университет он бросил на первом курсе). Не было денег. Не было друзей. Были только долги, репутация алкоголика и бунтаря, и съёмная квартира в самом дерьмовом районе Эвилля — Уэйл-порте, — которую он называл домом.

Июнь 2016 года. Жаркий, душный день. В центре Эвилля кипело восстание.

Новый мэр, мистер Тасельвофф — тучный, потный человек с бегающими глазками и вечно прилизанными волосами, — прославился драконовскими методами управления. Сократил социальные пособия. Разогнал профсоюзы. Увеличил налоги. В общем, вёл себя как типичный фюрер местного разлива, и народ, измученный нищетой и безработицей, вышел на улицы. Бэн был в первых рядах.

Он стоял среди толпы — триста, может, четыреста человек — и кричал вместе со всеми: «Долой фашистов! Фашистам не место у власти!» В одной руке он сжимал бутылку с зажигательной смесью, в другой — обрезок арматуры. Его лицо, бледное и осунувшееся, было перекошено от ярости. Его длинные светлые волосы с выбритыми висками развевались на ветру. Глаза горели тем самым огнём, который появляется у людей, когда им больше нечего терять.

Бэн изменился. Сильно изменился за последние годы. Из пухлого, добродушного мальчика он превратился в худого, жилистого юношу с резкими, угловатыми движениями и вечно настороженным взглядом. Его лицо стало жёстче. Скулы заострились. Челюсть, казалось, стала шире. Он носил всё ту же причёску — длинный верх, выбритые виски и затылок, — и всё ту же одежду: тёмные джинсы, сапоги, красную рубашку-поло и чёрное пальто с капюшоном. Одежда была потрёпанной, местами порванной, но ему было плевать. Ему вообще много на что было плевать в последнее время.

Центр города разделился на две стороны. С одной — полицейский кордон, ребята в бронжилетах и с дубинками, за спинами которых, как кукловод, прятался майор Пакертон. С другой — разъярённая толпа, среди которой затерялся Бэн.

Он сразу нашёл Майлза взглядом. И Майлз нашёл его. Они смотрели друг на друга через море людей — молодой бунтарь и старый, циничный полицейский, — и между ними, казалось, проскакивали электрические искры. *Я знаю, кто ты, — говорил взгляд Бэна. — Я знаю, что ты сделал с моей сестрой. Я знаю, что ты не человек. И однажды я заставлю тебя заплатить.*

Майлз улыбнулся — покровительственно, снисходительно, — и сделал знак своим людям.

Началась бойня.

Дубинки, слезоточивый газ, резиновые пули. Толпа хлынула вперёд, и Бэн побежал вместе со всеми. Он был в первых рядах. Он разбил бутылку с коктейлем Молотова о щит полицейского и увидел, как тот вспыхнул, заорал, бросился на землю, пытаясь сбить пламя. Он ударил кого-то арматурой — он не знал кого и не хотел знать. Он дрался, как зверь, и в эти минуты чувствовал себя живым — по-настоящему живым, впервые за многие годы.

Но силы были неравны. Восстание задавили. Бэна скрутили трое полицейских, избили — методично, с расстановкой, — и прижали лицом к горячему асфальту.

— А ну не дёргайся! — рявкнул один из них, заламывая ему руку.

— Не трогайте его, — раздался спокойный, властный голос.

Майлз. Он подошёл — не спеша, вразвалочку, — и присел на корточки перед Бэном. В его руке был пистолет, и он задумчиво вертел его, будто раздумывая, куда бы пристроить.

— Что ж, ты блестяще себя показал, засранец. — Он улыбнулся — холодно, жестоко, — и коротко, без замаха, ударил Бэна рукоятью пистолета в нос.

Хруст. Вспышка боли. Темнота.

Очнулся Бэн в обезьяннике. Вонючая камера, голые бетонные стены, решётка, матрас на полу. В углу, опершись спиной о стену, стоял Мистит и смотрел на него. Его красные глаза горели в полумраке, и в них плясали весёлые искорки.

— Ты молодец, мальчик, — сказал он. — Ты показал себя как настоящий лидер. Даже тяжело представить, что такого эти жалкие людишки в тебе нашли, что так ринулись за тобой, как стадо баранов. Что ж... твоя награда близка.

Он исчез. Бэн остался один.

Его продержали в камере сутки. Потом суд, приговор (условный срок, принудительное лечение у психиатра — с его-то диагнозом), освобождение. Он вышел из здания суда и увидел Элизу. Она стояла у машины Майлза и плакала — беззвучно, горько, закрыв лицо руками. А Майлз обнимал её, гладил по спине, что-то шептал на ухо, и при этом смотрел на Бэна через её плечо. Смотрел и улыбался — той самой ехидной, торжествующей улыбкой, которая говорила: *я победил. Ты проиграл. И ты ничего не можешь с этим сделать.*

Бэн развернулся и ушёл.

В тот вечер, сидя у себя в квартире — в этой жалкой, грязной, заваленной бутылками норе, которую он называл домом, — он курил и смотрел в потолок. На столе стояла початая

бутылка виски. Рядом лежала фотография — счастливая семья Лиин, сделанная за месяц до катастрофы. Мама. Папа. Элиза. И он сам — маленький, пухлый, улыбающийся.

— Простите меня, — прошептал он. — Я подвёл вас. Я всех вас подвёл.

VI

Прогуливаясь по своему уже опустевшему району, Бэн наслаждался уличным воздухом. Это было единственное наслаждение, помимо сигарет. Воздух Уэйл-порта был зловонным — запах блуда, крови и гниющего мусора висел в атмосфере, как невидимый смог, — но для Бэна даже эта вонь была глотком свободы после затхлой квартиры, пропитанной перегаром и отчаянием.

Улицы освещали лишь редкие фонарные столбы. Их тусклый оранжевый свет выхватывал из темноты обшарпанные стены, ржавые пожарные лестницы, переполненные мусорные баки. На столбах висели объявления о пропавших людях — выцветшие, пожелтевшие от дождя, с фотографиями, на которых улыбались те, кого, по всей видимости, уже никогда не найдут. Бэн иногда останавливался перед такими объявлениями и думал: может, эти люди просто ушли? Просто бросили всё и сбежали из этого проклятого города? Он бы их понял.

Он встал у одного из столбов, достал очередную сигарету и закурил. Дым — сизый, горький — наполнил лёгкие, на секунду притупив вечную, ноющую боль где-то под сердцем. Бэн выдохнул, глядя на тёмные силуэты зданий. Кое-где горели окна — жёлтые, тусклые квадраты в море тьмы. За ними люди жили своей жизнью: пили, смеялись, ссорились, занимались любовью. Он видел их — маленькие, дёргающиеся фигурки, — и чувствовал себя призраком, заглядывающим в мир живых.

Шаги. Он слышал их позади — тихие, крадущиеся, — и замер. Обернулся. Никого. Только тени, пляшущие в свете фонаря. Бэн пожал плечами и затянулся снова. Нервы. Вечно эти грёбанные нервы.

Он докурил, бросил окурочок на асфальт, раздавил каблуком сапога. И в этот момент на него напали.

Удар ножом пришёлся в левую руку — резкая, обжигающая боль пронзила предплечье. Бэн вскрикнул, отшатнулся, и второе лезвие просвистело в миллиметре от его горла. Перед ним стоял лысый мужчина в грязной спортивной одежде. Его лицо — всё в синяках, ссадинах, с лопнувшими капиллярами на носу — было искажено яростью. Седая щетина топорщилась на подбородке. Из рта несло перегаром, но глаза — вот что напугало Бэна больше всего, — глаза были пустыми. Не пьяными. Пустыми. Так смотрят куклы. Так смотрят люди, чей разум сломан чем-то более страшным, чем алкоголь.

— Ты не отдал мне деньги! — заорал мужчина, брызгая слюной. Его голос срывался, слова путались. — Где мои деньги, упырь?! Сука, где моя машина?! Где ключи от квартиры?!

— Какие деньги?! — Бэн попятился, уворачиваясь от нового выпада. Нож снова просвистел мимо. Сердце колотилось где-то в горле. Ноги стали ватными. Руки тряслись. Холодный пот заливал глаза. — Блять, я только покурить вышел! Ты меня с кем-то спутал!

— Я тебя сейчас на мясо пушу, тварь!

Мужчина бросился на него — неуклюже, но яростно, — и Бэн, действуя на одних инстинктах, парировал удар. Перехватил запястье. Ударил коленом в пах. Алкаш согнулся, захрипел — и Бэн вырвал нож из его ослабевших пальцев.

На секунду они замерли. Бэн тяжело дышал, сжимая рукоять ножа. Его трясло. Алкаш стоял на коленях, хватая ртом воздух. А потом поднял голову — и Бэн снова увидел его глаза. Пустые. Мёртвые. Будто за ними уже никого не было.

— Где твои деньги, да?! — заорал он, и его голос сорвался на визг. — Где твои деньги?! Тебя это интересует?!

Он ударил. Раз. Другой. Третий. Нож входил в плоть с влажным, чавкающим звуком. Кровь — горячая, тёмная — брызнула на руки, на лицо, на одежду. Бэн не останавливался. Он бил и бил, не видя куда, не чувствуя ничего, кроме слепой, всепоглощающей ярости. Вся боль, всё унижение, вся безысходность последних лет — всё это выплёскивалось сейчас через лезвие ножа в тело этого человека.

— Вот тебе твои деньги! Вот тебе твоя квартира, мудила!

Тело рухнуло на асфальт. Бэн упал на колени рядом с ним и продолжил наносить удары — уже бессмысленные, машинальные. Он рычал. Плакал. Проклинал этого дворового алкаша так, будто тот был виноват во всех его бедах. В смерти родителей. В болезни Элизы. В предательстве Майлза. Во всём.

Когда силы кончились, он отбросил нож в сторону и посмотрел на свои руки. Они были красными. Мокрыми. Дрожащими.

Труп лежал перед ним — изуродованный, растерзанный, — и Бэн вдруг осознал, что он наделал.

— Что я... — прошептал он. — Что я сделал? Я убил его. Убил.

Холодный пот покрыл всё тело. Дрожь — мелкая, противная — была от пяток до макушки. Бэн рухнул на колени, скрутился, схватился за голову. Его тошнило. Перед глазами всё плыло. Он не мог дышать.

И в этот момент он появился.

Мистит возник из тени — бесшумно, как всегда. Его длинное чёрное пальто сливалось с темнотой переулка. Его красные глаза горели в полумраке, как два тлеющих угля. Он подошёл к Бэну сзади, положил свои длинные, костлявые руки ему на плечи и начал гладить — медленно, почти нежно, как гладят испуганного зверя.

— Ты проявил себя, мой мальчик, — произнёс он. Его голос был тихим, вкрадчивым, обволакивающим. — Такие убогие не заслуживают жизни. Ты показал им. Показал всем. Я горжусь тобой.

Бэн вздрогнул. Он хотел отдёргнуться, сбросить эти руки, но тело не слушалось. Он был парализован страхом, шоком, отворачиванием к самому себе.

— Ты заслужил награду, — продолжал Мистит. — Большую награду. И ты её получишь. Очень скоро.

Он исчез. Просто растворился в воздухе, оставив после себя запах серы и эхо собственного смеха.

Бэн вскочил. Огляделся. Переулок был пуст.

— Да кто ты, блять, такой?! — закричал он в темноту. Его голос сорвался на истерику. — Сука, попадись мне! Я тебя нахуй завалю прямо здесь! Слышишь?!

Вой сирен оборвал его крик. Полиция. Кто-то из соседей вызвал. Две машины с мигалками влетели в переулок, ослепив Бэна светом фар. Он даже не попытался бежать. Просто стоял — окровавленный, дрожащий, — и ждал, когда его схватят.

Его скрутили. Ударили лицом об капот. Наручники впились в запястья. Бэн не сопротивлялся.

Утро. Или уже полдень? В камере не было окон. Бэн сидел на жёсткой скамье, в тюремной робе, и смотрел в одну точку. Его руки всё ещё дрожали. На ладонях — засохшая кровь. Он не мог её отмыть. Не мог избавиться от запаха.

В углу камеры стоял Мистит.

Он не прятался. Не растворялся в тених. Просто стоял, опершись спиной о стену, и смотрел на Бэна своими красными, тлеющими глазами. На его губах играла лёгкая, едва заметная улыбка.

— Кто ты, нахуй, такой? — прошептал Бэн. Его голос был хриплым, надтреснутым. — Чего ты хочешь от меня? Ты убил моих родителей. Ты испортил мне жизнь. Чего тебе ещё надо?

Мистит оттолкнулся от стены и шагнул к нему. Его движения были плавными, текучими, как у змеи. Воздух в камере стал холоднее. Бэн увидел, как из его рта вырвалось облачко пара.

— Я лишь спасаю тебя от гнёта людского общества, парень, — произнёс Мистит. Его голос звучал внутри головы Бэна, а не снаружи. — Посмотри на них. На этих жалких, никчёмных людишек. Они гниют в своей современности. Они забыли, что такое величие. А ты — ты можешь стать чем-то большим.

Бэн вскочил — и в тот же миг Мистит исчез. Бэн развернулся, ища его глазами, и обнаружил демона у себя за спиной. Холодные, костлявые пальцы сомкнулись на его подбородке, заставляя смотреть в красные, пылающие глаза.

— Я дам тебе всё, — прошептал Мистит. — Власть. Влияние. Бессмертие. Только послужи мне.

— Сосни хуйца, хуило ебаное, — процедил Бэн сквозь зубы. Его ярость пересилила страх. Он смотрел в глаза демону и не отводил взгляда. — Я лучше сдохну, чем буду служить тебе.

Мистит улыбнулся — широко, почти одобрительно.

— У тебя есть характер, мальчик. Это хорошо. Характер мне пригодится.

Дверь камеры лязгнула. Охранник что-то крикнул. Мистит исчез — просто растворился в воздухе, — и Бэн остался один.

Суд был коротким. Невменяемость. Принудительное лечение. Условный срок. Бэн стоял перед судьёй и слушал приговор, но думал не о нём. Он думал об Элизе, которая сидела в зале и плакала, закрыв лицо руками. О Майлзе, который обнимал её за плечи и смотрел на Бэна с торжествующей улыбкой. О Мистите, который стоял в углу зала — невидимый для всех, кроме Бэна, — и аплодировал. Медленно. Беззвучно. Издевательски.

Бэна отпустили. Он вышел из здания суда и замер на ступенях. Солнце светило ярко. Птицы пели. Город жил своей жизнью.

А он стоял и думал: что дальше?

Ответа не было. Только пустота. Только темнота, стгушающаяся на краю сознания.

И Мистит, который где-то там, в этой темноте, улыбался и ждал.

VII

Особняк Майлза Пакертон стоял на холме, вдали от шумных улиц Эвилля, и со стороны казался воплощением покоя. Белые колонны, арочные окна, фонтан во дворе, садовые гномы на идеально подстриженном газоне — всё это выглядело как картинка из журнала, рекламирующего счастливую жизнь. Но внутри, за этими стенами, счастья не было. Здесь царила тишина — та особая, тяжёлая тишина, которая бывает в домах, где никто не смеётся.

Элиза Лиин жила здесь уже четвёртый год.

Она просыпалась каждое утро в одной и той же комнате — просторной, светлой, с высокими потолками и огромной кроватью, в которой она казалась себе маленькой и потерянной. Простыни всегда были свежими, завтрак всегда был горячим, одежда всегда была выглаженной — Майлз не жалел денег на прислугу. Но Элиза не чувствовала себя хозяйкой этого дома. Она чувствовала себя гостьей. Нет — экспонатом. Красивой вещью, которую поставили на полку и время от времени протирают от пыли.

Она спустилась в гостиную. Майлз уже сидел за столом, просматривая утренние бумаги. Он был в полицейской форме — идеально отглаженной, с иголочки, — и от него пахло доро-

гим одеколоном. Увидев Элизу, он отложил бумаги и улыбнулся. Улыбка была тёплой. Почти отцовской.

— Доброе утро, дорогая. Как спалось?

— Хорошо, — ответила она, садясь напротив. Ответ был машинальным. Она всегда так отвечала, даже когда спалось плохо. Даже когда ей снились кошмары — а они снились ей почти каждую ночь. Родители. Бэн. Цирк. Красная «Тойота», переворачивающаяся на дороге. Она никому об этом не рассказывала. Майлз говорил, что кошмары — это просто нервы, что нужно больше отдыхать, что со временем всё пройдёт. И она кивала.

— Ты сегодня бледная, — заметил Майлз, отпивая кофе. — Может быть, сходим к врачу?

— Нет, я в порядке. Просто устала.

— Устала от чего? — он посмотрел на неё поверх чашки, и в его взгляде мелькнуло что-то, что ей не понравилось. Что-то оценивающее. — Ты же ничем не занимаешься. Домашнее хозяйство на прислуге, детей у нас нет. От чего ты можешь устать, Элиза?

Она не нашла, что ответить. Он был прав. Она действительно ничем не занималась. Целыми днями она сидела в гостиной, листала журналы, смотрела в окно. Иногда выходила в сад — подышать свежим воздухом. Иногда спускалась в город — но там всё напоминало ей о прошлой жизни, о родителях, о Бэне, и она быстро возвращалась обратно. Она была заперта в этом особняке, как птица в золотой клетке, и с каждым днём прутья смыкались всё теснее.

— Я подумываю найти работу, — сказала она однажды, через несколько месяцев после того, как переехала к Майлзу. — Может быть, в библиотеке. Или в школе. Я же училась на педагога.

Майлз тогда посмотрел на неё долгим, изучающим взглядом. Потом покачал головой.

— Зачем тебе работа? У тебя всё есть. Я обеспечиваю тебя. Разве тебе чего-то не хватает?

— Дело не в деньгах. Мне просто... скучно. Я хочу чем-то заниматься.

— Скучно? — он усмехнулся. — Элиза, посмотри на себя. Ты живёшь в особняке. У тебя есть прислуга. Ты ни в чём не нуждаешься. Большинство женщин в этом городе мечтают о такой жизни.

— Но я не большинство, — тихо сказала она.

Майлз подошёл к ней, положил руки на плечи и заглянул в глаза. Его прикосновение было мягким, но от него по телу побежали мурашки — не от удовольствия, а от какого-то смутного, неосознанного страха.

— Послушай меня, Элиза. Ты пережила страшную трагедию. Ты потеряла родителей. Твой брат... — он сделал паузу, — твой брат живёт своей жизнью. Тебе нужно время, чтобы восстановиться. А работа — это стресс. Это лишние волнения. Зачем тебе это? Просто отдохай. Я о тебе позабочусь.

И она согласилась. Потому что его слова звучали разумно. Потому что она действительно была разбита после смерти родителей. Потому что спорить с Майлзом было... трудно. Его голос, его взгляд, его прикосновения — всё это словно окутывало её ватой, приглушая собственные мысли и желания. Она не замечала, как это происходит. Это происходило постепенно, день за днём, месяц за месяцем.

Прошёл год. Потом второй. Потом третий. Она больше не заговаривала о работе. Она вообще мало о чём заговаривала.

Элиза отодвинула тарелку с нетронутым завтраком. Есть не хотелось. Последнее время ей вообще мало чего хотелось. Она встала из-за стола и подошла к окну. На улице шёл дождь — мелкий, противный, — и капли барабанили по стеклу, сливаясь в мутные дорожки. За окном, у ворот особняка, стоял человек. Худой. В потрёпанном пальто. С длинными светлыми волосами, мокрыми от дождя.

Бэн.

Сердце Элизы сжалось. Она не видела брата уже несколько месяцев — с тех пор, как он в очередной раз приходил просить денег и в очередной раз устроил скандал. Вернее, это Майлз называл это скандалом. На самом деле Бэн просто пытался рассказать ей правду — о Майлзе, о его изменах, о том, что он за человек. Но Элиза не могла его слушать. Каждый раз, когда Бэн начинал говорить, в голове что-то затуманивалось. Слова брата доносились будто издалека, сквозь толщу воды, и она не могла — не хотела — в них вслушиваться. Майлз говорил, что Бэн просто ревнует. Что он хочет разрушить их семью. Что он сам виноват в своих бедах — пьёт, дерётся, не работает. И это звучало так... убедительно.

Бэн стоял у ворот и смотрел на окна особняка. Элиза видела, как он пошатнулся — пьяный, как всегда, — и схватился за решётку, чтобы не упасть. Ей стало больно. Физически больно, где-то в груди. Она хотела выйти к нему. Хотела обнять его, как в детстве, когда он плакал после кошмаров. Хотела сказать, что всё будет хорошо.

Но она не вышла.

Она стояла у окна и смотрела, как её младший брат, её Бэнни, её единственный родной человек, разворачивается и уходит прочь, шатаясь под дождём. А потом она услышала шаги за спиной.

— Что там? — спросил Майлз, подходя ближе.

— Ничего, — ответила она, отворачиваясь от окна. — Просто дождь.

Майлз улыбнулся и погладил её по голове, как ребёнка.

— Вот и умница. Нечего там смотреть.

И она кивнула.

Вечером, когда Майлз ушёл на ночное дежурство, Элиза сидела в гостиной одна. В камине потрескивали дрова. На журнальном столике стояла чашка остывшего чая. Она смотрела на фотографию в рамке — ту самую, которую Бэн когда-то принёс ей. Счастливая семья Лиин. Мама, папа, Элиза и маленький Бэнни. Все улыбаются.

Она взяла фотографию в руки и долго смотрела на неё. Потом закрыла глаза.

«Прости меня, Бэнни, — подумала она. — Прости, что не могу тебе помочь. Прости, что не могу поверить тебе. Я знаю, что ты прав. Где-то глубоко внутри я знаю. Но я... я не могу. Я слишком слаба. Я слишком устала. Я...»

Она не закончила мысль. Слёзы потекли по её щекам — молча, без всхлипов, без звуков. Так она плакала каждую ночь, когда Майлз не видел.

Она была заперта. Не в особняке — в собственном теле. В собственном разуме.

VIII

Бэн лежал на кровати и смотрел в потолок. Не ел. Не мылся. Не менял одежду. Только пил — жадно, методично, как будто выполнял какую-то важную, не терпящую отлагательств работу. Пустые бутылки скапливались на полу, образуя причудливый лабиринт, через который он перебирался только для того, чтобы дойти до туалета или взять новую порцию из ящика под раковиной. Виски. Джин. Дешёвое пиво. Какая-то мутная настойка, найденная в глубине шкафа, — он даже не помнил, когда её купил. Всё шло в ход.

Квартира погрузилась в полумрак. Шторы были задёрнуты, и только узкая полоска дневного света пробивалась сквозь щель, рассекая пыльный воздух, как лезвие. В этом полумраке плясали тени — и одна из них принадлежала не ему.

Мистит стоял в углу.

Он не говорил. Не двигался. Просто стоял, прислонившись спиной к стене, и смотрел на Бэна своими красными, тлеющими, как угли, глазами. Его длинное чёрное пальто сливалось с тенями. Его седые волосы тускло блестели в полумраке. Его лицо — изрезанное шрамом, пересекающим левую бровь и щеку, — выражало спокойное, почти отеческое удовлетворение. Так смотрит садовник на растение, которое растёт именно так, как он задумал.

Бэн не пытался с ним заговорить. Он уже давно перестал. Он просто пил и ждал, когда либо алкоголь, либо демон прикончат его.

На третью неделю он всё-таки вышел.

Не потому, что хотел. Потому что кончилась выпивка. И деньги. И сигареты. И всё.

Он стоял у дверей супермаркета, щурясь от яркого света, и чувствовал себя вампиром, которого вытащили из гроба на солнцепёк. Прохожие косились на него — грязного, небритого, в мятой одежде, пропахшей перегаром, — и обходили стороной. Какая-то женщина поджала губы и перешла на другую сторону улицы, прижимая к себе сумку. Какой-то мужчина что-то буркнул себе под нос — Бэн не расслышал, но по интонации понял, что ничего хорошего. Ему было плевать. Он купил две бутылки самого дешёвого виски и пачку сигарет и вернулся в свою нору.

Но короткая прогулка что-то изменила. Может быть, свежий воздух. Может быть, солнечный свет. А может быть — и это было хуже всего, — надежда. Глупая, иррациональная, совершенно необоснованная надежда на то, что ещё не всё потеряно. Что он может пойти к Элизе, упасть перед ней на колени, рассказать всё — и она поверит. Она ведь его сестра. Она ведь любит его. Она ведь...

Он отбросил эти мысли и допил бутылку.

На четвёртую неделю он всё-таки пошёл.

Дорога до особняка Пакертон заняла около часа. Бэн шёл пешком — денег на автобус не было, — и с каждым шагом его решимость таяла, сменяясь тупой, ноющей тревогой. Город вокруг жил своей жизнью: люди смеялись, разговаривали, пили кофе на верандах кафе. Солнце — яркое, летнее, беззаботное — заливало улицы золотым светом. Всё это было таким чужим, таким далёким от его собственной реальности, что Бэну казалось, будто он смотрит на мир через грязное, мутное стекло.

Особняк встретил его тишиной. Белые колонны, арочные окна, фонтан во дворе, садовые гномы на лужайке — всё это выглядело как декорация к какой-то чужой, счастливой жизни. Он поднялся на крыльцо. Позвонил. Приготовился. Он репетировал эту речь всю дорогу — что скажет, как скажет, какими словами будет умолять сестру выслушать его.

Дверь открылась. Но за ней стояла не Элиза.

Майлз.

Он был в домашнем — свободная рубашка, мягкие брюки, — и выглядел так, будто только что встал с дивана. Его лицо выражало скуку, смешанную с лёгким раздражением. Увидев Бэна, он даже не удивился. Просто прислонился плечом к дверному косяку и скрестил руки на груди.

— О, — произнёс он. — Алкаш пожаловал. Чего тебе?

— Мне нужно поговорить с Элизой. — Голос Бэна звучал хрипло, надтреснуто, но твёрдо. Он старался не смотреть Майлзу в глаза — те самые глаза, в которых ему когда-то почудился красный огонь.

— Она не хочет тебя видеть. — Майлз зевнул.

— Это ей решать. Позови её.

— Слушай, щенок. — Майлз шагнул вперёд, и его голос стал тише, но жёстче. — Ты уже достаточно навредил ей. Ты убил человека. Ты сидел в тюрьме. Ты позоришь её своим существованием. Она плачет из-за тебя. Ты этого хочешь? Хочешь, чтобы она плакала?

— Я хочу поговорить с ней.

— Нет.

Он попытался закрыть дверь, но Бэн выставил ногу, не давая створке захлопнуться. На секунду их взгляды встретились — и в глазах Майлза Бэн увидел нечто, от чего по спине пробежал холодок. Торжество. Чистое, незамутнённое торжество. Так смотрит паук на муху, запутавшуюся в паутине.

— Элиза! — крикнул Бэн через плечо Майлза. — Элиза, это я! Пожалуйста, выйди! Я просто хочу поговорить!

В глубине коридора мелькнула тень. Бэн увидел её — свою сестру. Она стояла в дверях гостиной, в нескольких метрах от него, и смотрела. На ней был домашний халат. Её волосы — когда-то каштановые и блестящие — были собраны в небрежный пучок. Её лицо — бледное, осунувшееся, с тёмными кругами под глазами — выглядело на десять лет старше.

Но страшнее всего были её глаза. Пустые. Отстранённые. Она смотрела на Бэна — на своего брата, с которым прожила всю жизнь, — и как будто не узнавала его.

— Уходи, — сказала она. Её голос был ровным. Безэмоциональным. Как у куклы. — Ты нам не нужен.

— Элиза, пожалуйста...

— Ты нам не нужен, — повторила она. — Ты всё разрушаешь. Ты всегда всё разрушаешь. Уходи.

Майлз улыбнулся. Широко. Открыто. Не скрываясь. И захлопнул дверь.

Бэн остался стоять на крыльце. Солнце светило ему в спину. Птицы пели где-то в кронах деревьев. Где-то рядом смеялись дети. Мир был наполнен жизнью, звуками, красками. Но Бэн не слышал ничего, кроме звона в ушах. Он стоял и смотрел на закрытую дверь. И понимал: сестра потеряна. Окончательно. Бесповоротно. Он не смог её защитить.

Он развернулся и пошёл прочь. Не домой — дома его никто не ждал. Просто прочь. Куда глаза глядят. И за его спиной, в тени особняка, стоял Мистит и улыбался.

Бэн больше не пытался бороться. Он смирился. Он принял поражение. Он просто существовал — дышал,пил, курил, спал. Иногда ему казалось, что он уже умер, а всё происходящее вокруг — просто затянувшийся кошмар, из которого никак не проснуться.

Днём он спал. Ночью выходил на улицы — бесцельно бродил по Эвиллю, курил, пил из горла на лавочках. Он перестал мыться. Перестал менять одежду. Его чёрное пальто, когда-то бывшее его гордостью, пропиталось запахом перегара и застарелого табачного дыма. Прохожие обходили его стороной. Он стал одним из тех, на кого сам смотрел с презрением ещё год назад. Бомж. Алкаш. Отброс.

В одну из таких ночей он стоял на мосту.

Том самом. Что дугой выгибался над чёрной, маслянистой рекой, протекавшей через центр Эвилля. Фонари горели тусклым оранжевым светом. Дождь — мелкий, противный, — сеялся с неба, затянутого серой пеленой туч. Бэн стоял, опершись на чугунные перила, и смотрел вниз. Вода была чёрной. Тяжёлой. Она текла медленно, неумолимо, как сама судьба.

Он думал о родителях. О том, как их тела пронзила арматура. Как кровь капала на его лицо.

Он думал об Элизе. О её пустых глазах. О её голосе — ровном, безжизненном. «Ты нам не нужен».

Он думал о себе. О том, кем он стал. Убийца. Алкоголик. Изгой. Неудачник.

Мистит стоял рядом. Бэн чувствовал его присутствие — холодное, липкое, — но не обращившись. Демон молчал. Ему не нужны были слова. Он просто ждал.

— Ещё нет, — прошептал Бэн сам себе. — Ещё рано.

Он не знал, почему так сказал. Может быть, где-то глубоко внутри ещё теплилась искра — крошечная, едва живая, — не дающая сделать последний шаг. А может быть, он просто боялся. Боялся, что смерть — это не конец. Что там, за чертой, его ждёт не покой, а что-то гораздо, гораздо худшее.

Он оттолкнулся от перил и пошёл прочь. Обратно в темноту. Обратно в свою нору. Обратно к бутылкам.

Мистит проводил его взглядом. И улыбнулся.

Он знал: ждать осталось недолго.

IX

С того страшного момента прошло некоторое время. Возможно неделя. Бэн уже потерял счет времени, так как каждый день, вернее каждый вечер, выглядел следующим образом. Ночной клуб «Алая Королева» находился в самом сердце Эвилля, на перекрёстке двух центральных улиц. Это было огромное трёхэтажное здание, фасад которого украшала аляповатая неоновая вывеска — алая корона, сиявшая в темноте, как маяк для всех заблудших душ города. Изнутри доносился глухой, ритмичный бас — музыка, от которой вибрировали стены соседних домов и дрожали стёкла в окнах.

Внутри клуб был так же криклив, как и снаружи. Два танцпола, три бара, VIP-зона на третьем этаже, куда пускали только «избранных» (читай: тех, у кого водились деньги). Стены были обиты чёрным бархатом, на котором кое-где проступали потёки пролитого алкоголя и следы чьих-то пальцев. Пол — липкий, залитый дешёвым пивом и коктейлями. Воздух — спёртый, пропитанный запахом пота, дешёвых духов и сигаретного дыма (хотя курить в помещении было запрещено, всем было плевать). Свет — прерывистый, мелькающий в такт музыке, выхватывающий из темноты то чьё-то лицо, то чью-то фигуру, то чей-то танец, больше похожий на конвульсии.

Бэнджамин Лиин сидел у барной стойки, на высоком, неудобном табурете с потрескавшимся кожаным сиденьем. Он был пьян. Очень пьян. Перед ним стояла уже третья (или четвёртая? или пятая?) пустая стопка. Его светлые волосы, влажные от пота, липли ко лбу. Глаза, красные от недосыпа и алкоголя, бессмысленно смотрели в одну точку. Его пальцы, обхватившие очередную стопку, дрожали.

Одет он был в своё обычное: тёмные, потёртые джинсы с прорехой на левом колене, высокие армейские сапоги со сбитыми носами, красная футболка с логотипом какой-то рок-группы и поверх неё — любимое чёрное пальто с большим капюшоном. Пальто было грязным, местами прожжённым (следы сигарет), с оторванной пуговицей на правом рукаве. Но Бэну было плевать.

— Бутылку виски! — бросил он бармену, с трудом ворочая языком.

Бармен — молодой, симпатичный парень в белой рубашке и чёрном жилете, явно студент, подрабатывающий по ночам, — смерил его оценивающим взглядом. Он видел таких, как Бэн, каждый вечер. Они приходили, пили до беспамятства, буянили, их вышвыривали. Ничего нового.

— Да что вы? — усмехнулся он, протирая стакан. — У вас хоть денег-то хватит?

Бэн медленно поднял голову. Его взгляд сфокусировался на бармене — не сразу, с задержкой, как старая видеокамера. Что-то в этом взгляде заставило парня пожалеть о своих словах.

— Ты чё сказал? — тихо, почти шёпотом, спросил Бэн.

— Я говорю, может, вам хватит на сегодня? Вы уже...

Бэн не дослушал. Его рука метнулась к стойке, схватила пустую бутылку, которую он принёс с собой (зачем-то подобрал на улице), — и швырнула в бармена. Бутылка просвистела в воздухе, врезалась в стену за спиной парня и разлетелась фонтаном осколков. Бармен пригнулся, вскрикнул. Посетители, сидевшие поблизости, обернулись.

— Эй! — заорал кто-то. — Охрана!

Через минуту — Бэн не успел даже понять, что происходит, — двое крепких вышибал в чёрных футболках с логотипом клуба схватили его под руки и поволокли к выходу. Он не сопротивлялся. Он смеялся. Ему было смешно. Ему было всё равно. Его вышвырнули на улицу, как котёнка, — лицом в асфальт. Он проехался щекой по шершавому покрытию, сдирая кожу,

и замер, раскинув руки в стороны. Из разбитой губы текла кровь — тёплая, солёная, отдающая железом.

Дверь клуба захлопнулась. Музыка стихла. Бэн лежал на тротуаре и смотрел в небо.

Тут же к нему подошла женщина. Он не сразу её заметил — она появилась бесшумно, как кошка, — и теперь стояла над ним, глядя сверху вниз. Бэн скосил глаза и увидел сначала её ноги — стройные, длинные, обтянутые тонкими чулками, — потом подол платья, синего, переливающегося в свете фонарей, потом талию, грудь, шею. Женщина была красива. По-настоящему красива — той зрелой, уверенной красотой, которая приходит к женщинам после тридцати. Шатенка с длинными, волнистыми волосами, спадавшими на плечи и спину. Зелёные глаза, яркие, как изумруды, смотрели на Бэна с интересом и чем-то ещё — с хитринкой, с задором, с предвкушением. На шее — изящный кулончик с алмазом, игравшим в свете фонарей всеми цветами радуги. На ногах — высокие, тонкие каблуки. В руке — маленькая сумочка из чёрной лаковой кожи.

Это была Агата — его соседка. Жена Боба, жирного, лысеющего неудачника, который работал охранником в супермаркете и вечно жаловался на жизнь. Бэн видел её несколько раз — в подъезде, у лифта, на лестнице. Она всегда улыбалась ему — как-то слишком тепло, слишком многообещающе, — и каждый раз он чувствовал, как внутри что-то загорается.

— Эй, Бэнни, — промурлыкала она, наклоняясь к нему. Её духи — что-то сладкое, ванильное, с нотками мускуса, — окутали Бэна, ударили в голову сильнее, чем весь выпитый виски. — Не хочешь провести эту ночь не в клубе, а со мной?

Она прикоснулась к своей груди — кончиками пальцев, нежно, едва заметно, — и у Бэна пересохло во рту.

— О да! — выдохнул он, с трудом поднимаясь на ноги. Мир качнулся, поплыл, но он устоял. — Я не против. Но... — он икнул, — ...боюсь, что твой муж будет против.

— Этот жирный неудачник? — она рассмеялась — низко, гортанно, — и её смех эхом разнёсся по пустой улице. — Он меня точно не способен удовлетворить. Поверь. А если что — вызовем полицию. Им-то нет дела до наших с тобой отношений.

Она взяла его под руку — её пальцы были тёплыми, нежными, но хватка оказалась на удивление крепкой, — и повела за собой. Они шли по ночному Эвиллю, и Бэн то и дело спотыкался, цепляясь за Агату, за её плечо, за её талию. Она тихо посмеивалась и поддерживала его, не давая упасть.

Дорога до дома заняла полчаса — хотя обычно Бэн доходил за десять минут. Но сегодня ноги не слушались. Он дважды останавливался — справить нужду у какой-то подворотни, просто перевести дух, — и каждый раз Агата терпеливо ждала, прислонившись к стене и закури-вая очередную сигарету.

Наконец они вошли в подъезд. Запах мочи и плесени. Обшарпанные стены с облупившейся краской. Лифт, который не работал уже третий месяц. Они поднялись на четвёртый этаж пешком — Агата шла первой, Бэн плёлся за ней, держась за перила.

Его квартира встретила их запахом перегара, застарелого табачного дыма и чего-то кислого, прокисшего. Бэн щёлкнул выключателем — тусклая лампочка под потолком замигала и зажглась, осветив убогую обстановку. Агата огляделась. Её брови поползли вверх.

— Как уютно тут у тебя, — отшутилась она.

Квартира действительно напоминала свинарник. Обои, когда-то, наверное, бежевые, теперь были серыми от грязи и сигаретного дыма, местами отклеились и свисали со стен унылыми лоскутами. На полу — кучи пустых бутылок, смятые пачки из-под сигарет, окурки, переполненные пепельницы. Кое-где виднелись тёмные, засохшие пятна — следы пролитого алкоголя, а может, и чего похуже. Мебель — старая, продавленная, купленная с рук на блошином рынке. Диван, на котором спал Бэн, с зияющей дырой в обивке, из которой торчали пружины.

Журнальный столик, заваленный мусором, с отломанной ножкой, подпертой кирпичом. Единственная лампа без абажура, стоявшая прямо на полу.

Агата, впрочем, не выглядела разочарованной. Она смотрела на Бэна — на его бледное, исхудалое, но всё ещё красивое лицо, на его руки с длинными, музыкальными пальцами, на его глаза (сейчас мутные от алкоголя, но всё ещё хранившие отблеск какого-то внутреннего огня), — и улыбалась. Она знала, зачем сюда пришла.

Они прошли в комнату Бэна. Там было немногим лучше. Кровать — старая, железная, с проваленным матрасом, — стояла у окна, за которым горели огни ночного Эвилля. Рядом, на тумбочке, — фотография семьи Лиин. Единственная вещь в этой квартире, которую Бэн берёт. Единственная вещь, на которой не было пыли.

Агата подошла к окну, отдернула штору (старую, выцветшую, с дырами от моли), впуская в комнату оранжевый свет уличного фонаря. Обернулась. Посмотрела на Бэна. Их взгляды встретились — и между ними словно проскочила искра. Бэн, всё ещё пьяный, но уже начинающий трезветь от нахлынувшего возбуждения, сделал шаг вперёд. Агата сделала шаг навстречу.

Она запустила руку в его волосы — длинные, светлые, влажные от пота, — и притянула его к себе. Их губы встретились. Поцелуй был жадным, голодным, совсем не нежным. Он кусал её губы, она царапала его спину сквозь пальто. Их языки сплелись в каком-то диком, первобытном танце.

Бэн сбросил пальто. Оно упало на пол с глухим стуком — в кармане что-то звякнуло, какая-то мелочь. Агата стащила с него футболку, и её пальцы скользнули по его торсу — худому, но жилистому, с проступающими рёбрами и очерченными мышцами живота. Она провела ногтями по его груди, оставляя красные дорожки, и Бэн зашипел сквозь зубы — не от боли, от удовольствия.

Он развернул её и прижал к стене. Его руки легли на её бедра — полные, округлые, — и сжали с такой силой, что она ахнула. Он стянул с неё платье — не расстегивая, не церемонясь, просто через голову, — и отбросил в сторону. Под платьем оказалось чёрное кружевное бельё — бюстгальтер, который едва сдерживал её пышную, налитую грудь, и крошечные трусики, почти ничего не скрывавшие. Бэн на секунду замер, любуясь ею — её телом, зрелым и соблазнительным, её кожей, мерцавшей в свете фонаря, её глазами, полными похоти.

— Нравится? — прошептала она.

Вместо ответа он снова впился в её губы. Его руки легли ей на грудь, сжали, и она застонала — низко, гортанно. Он расстегнул бюстгальтер (одной рукой, ловко — сказывался опыт), отбросил его в сторону. Её грудь — большая, мягкая, с тёмными, напряжёнными сосками, — легла в его ладони. Он наклонился, взял один сосок в рот. Агата застонала громче, запрокинув голову. Её пальцы вцепились в его плечи — ногти оставляли на коже следы, но Бэну было всё равно. Он чувствовал, как его собственное тело отвечает на её прикосновения — кровь стучала в висках, в паху, в кончиках пальцев.

Они переместились на кровать. Старая, скрипучая, с продавленным матрасом, она жалобно застонала под их общим весом. Агата оказалась сверху. Её волосы рассыпались по плечам, щекоча его грудь. Она наклонилась, поцеловала его в шею, в ключицу, в грудь. Её губы двигались всё ниже и ниже. Бэн закрыл глаза и отдался ощущениям.

В ту ночь комната наполнилась звуками страсти — стонами, всхлипами, частым, прерывистым дыханием. Их тела, мокрые от пота, сплетались в одно целое, двигались в едином ритме. Запах секса — тяжёлый, животный, ни с чем не сравнимый, — пропитал всё вокруг. Бэн, который не знал женской ласки уже много месяцев (если не лет), брал Агату жадно, яростно, будто пытаясь вытряхнуть из себя всю боль, всю злость, всё одиночество, накопившиеся за эти годы. И Агата, изголодавшаяся по мужскому вниманию (её муж уже давно не мог удовлетворить её), отвечала ему с не меньшей страстью.

Они занимались любовью снова и снова — на кровати, на полу, у стены. Бэн брал её сзади, и она кричала так громко, что соседи, наверное, слышали. Она оседлала его, и он смотрел, как её тело двигается в такт, как её грудь колыхнется в полумраке, как её лицо искажается от наслаждения. Они были как два диких зверя, забывших обо всём на свете. Не было ни Агаты, ни Бэна — были только два тела, два источника тепла, слившихся воедино.

Под утро, совершенно обессиленные, они рухнули на кровать. Простыни сбились в комок, пропитавшись потом и другими жидкостями. Агата лежала на спине, тяжело дыша. Бэн, всё ещё чувствуя дрожь в мышцах, смотрел в потолок. В голове была звенящая, абсолютная пустота — ни мыслей, ни тревог, ни страхов. Только усталость. Только удовлетворение. Только странное, почти забытое чувство покоя.

— Это было... — начала Агата и замолчала, не в силах подобрать слово.

— Да, — согласился Бэн. — Это было.

Она засмеялась — тихо, устало. Приподнялась на локте и поцеловала его в щёку.

— Спасибо, Бэнни. Ты даже не представляешь, как мне это было нужно.

Он ничего не ответил. Его глаза уже закрывались. Через минуту он провалился в сон — тяжёлый, глубокий, без сновидений.

На следующий день Бэн проснулся с тяжёлой, чугунной головой и противным привкусом во рту. Солнце било в окно, и лучи падали прямо на его лицо. Он поморщился, перевернулся на бок. Кровать была пуста. Агата ушла.

Он сел, потирая виски. Тело ныло — мышцы болели после вчерашних «упражнений». На полу, среди бутылок и прочего мусора, лежало женское бельё — кружевное, чёрное, оставленное Агатой. Бэн поднял его, повертел в руках. Усмехнулся. Бросил обратно на пол.

Встал. Прошлёпал босиком в ванную (совмещённый санузел с вечно капающим краном и ржавым зеркалом). Умылся ледяной водой — горячей в этой квартире не было уже полгода. Посмотрел на своё отражение. На него глядел усталый, осунувшийся парень с красными глазами и трёхдневной щетиной. На щеке — ссадина. На губе — запёкшаяся кровь. На шее — засос, оставленный Агатой.

— Красавец, — пробормотал он и усмехнулся.

Оделся. Те же джинсы. Те же сапоги. Чистая футболка (последняя из несторевавших). Пальто. Перчатки. Он уже собирался выходить, как в дверь забарабанили.

Бэн открыл. На пороге стоял Боб — лысый, красномордый, в одних трусах и тапках. Его живот — огромный, волосатый, нависавший над резинкой трусов, — колыхался от ярости. Маленькие, заплывшие глазки метали молнии.

— Что, нажирался вчера?! — заорал он, брызгая слюной. — Ах ты, сукин сын!

— Тише-тише, пёсик, не злись, — Бэн прислонился к дверному косяку, скрестил руки на груди. — Что произошло?

— Что случилось?! — Боб побагровел. — Какого хера ты вчера мою жену трахал?! Я всё знаю! Она мне сама рассказала! Ты, урод! Ты, мразь!

Он схватил Бэна за лацканы пальто и начал трясти его, как тряпичную куклу. Бэн, несмотря на похмелье, не потерял равновесия. Он смотрел на Боба — на его красное, потное лицо, на его трясущиеся щёки, — и на его губах играла лёгкая, почти незаметная улыбка.

— Уж извини, Бобик, — сказал он. — Но она настолько страшна, что я только чисто по доброте душевной согласился с ней переспать.

Боб замахнулся. Удар пришёлся Бэну в нос — резкий, сильный, — и из ноздрей тут же хлынула кровь. Бэн пошатнулся, но устоял. Вытер кровь рукавом. Посмотрел на красный след, оставшийся на ткани.

— Вот же хуй собачий, — процедил он сквозь зубы.

Боб что-то ещё кричал, но Бэн уже не слушал. Он развернулся и пошёл прочь — по коридору, по лестнице, прочь из этого дома. Нужно было убраться. Нужно было проветрить голову. Нужно было повидать сестру — в последний раз, как оказалось.

Путь от его района до особняка Элизы и Майлза занимал около часа. Бэн проделал его пешком — денег на автобус не было, да и не хотелось ему сидеть в переполненном, вонючем салоне, глядя на усталые, безразличные лица пассажиров. Он шёл и смотрел на город, который ненавидел и любил одновременно. Эвилль был как старый, циничный друг — грязный, грубый, жестокий, но при этом единственный, кто у него остался.

Особняк Пакертонна находился на другом конце города, в фешенебельном районе с широкими, чистыми улицами и аккуратными газонами. Это был даже не дом, а маленький дворец — трёхэтажный, из красного кирпича, с белыми колоннами и арочными окнами. У входа — фонтан. Вдоль дорожки — подстриженные кусты. На лужайке — садовые гномы, которых Майлз, видимо, коллекционировал.

Бэн поднялся на крыльцо. Позвонил. Дверь открыла Элиза — и тут же, без предупреждения, влепила ему пощёчину.

— Чего ты хочешь?! — её голос дрожал от ярости и слёз.

— Нам надо поговорить, сестра.

— Ну, проходи.

Она впустила его — холодно, отстранённо, будто чужого, — и провела в гостиную. Бэн сел за стол. Элиза осталась стоять. На ней была синяя кофта и зелёные трико с белыми полосами. Её волосы, когда-то каштановые и блестящие, потускнели и были небрежно собраны в хвост. Под глазами залегли тени. Она выглядела старше своих лет.

— Не устал нажираться до потери сознания? — спросила она, и Бэн вздрогнул от того, сколько яда было в её голосе.

— А ты не устала со своим офицерчиком жить? — парировал он. — Кстати, где он?

— На работе. Жизни спасает, воров за решётку сажает и зарабатывает честные деньги. Я никогда не поверю, что он обманщик и вор. Даже тебе.

— Ты серьёзно? — Бэн встал. — Элиза, ты веришь его речам? Они же насквозь фальшивы! Он только жрёт за счёт народа, но ничего не делает! Зато меня посадил два месяца назад за то, что я убил человека в целях самообороны! Все камеры это видели, но меня уупекли как убийцу!

— Ты мог убежать. Просто убежать, а не хвататься за нож!

— Он напал на меня с ножом! Я защищался!

— Ой, Бэн, не начинай. Майлз — хороший человек. Вспомни, кто тебя тогда, мелкого, привёз домой после аварии? Кто нам помог? Кто...

— Он изменял тебе! — перебил её Бэн. — Шесть раз! А может, и больше! Я видел это своими глазами! Он целовался с ними, он трахал их, пока ты сидела дома и ждала его с работы! А что он тебе говорил? Что работает 24 на 7? Что выкладывается на службе?!

— Замолчи! — Элиза прижала ладони к ушам. — Я не хочу это слушать!

— А придётся! — Бэн схватил её за плечи. — Элиза, я не вру! Я никогда тебе не врал! Ты моя сестра! Ты заменила мне мать! Неужели ты думаешь, что я могу тебе лгать?!

— Нет! — она вырвалась и, не помня себя, схватила со стола кружку с чаем и швырнула в него. Кружка ударила Бэна в лоб. Раздался глухой стук. Осколки разлетелись по полу. Из раны на лбу потекла кровь — быстро заливая глаз, щёку, подбородок.

— Элиза... — прошептал Бэн, прижимая ладонь ко лбу.

— Пошёл вон, — сказала она, и её голос был холоден, как лёд. — Обманщик. Предатель. Вон из моего дома.

Бэн постоял ещё секунду, глядя на неё. Потом развернулся и вышел.

Через два дня Элизу увезли в больницу. Неоперабельная опухоль. Два дня. Два дня, за которые Бэн постарел на десять лет.

Он сидел у её постели и держал за руку. Она то приходила в себя, то снова проваливалась в забытё. Майлз не появлялся — сказал, что на работе, — и Бэн был почти рад этому. Ему не хотелось видеть этого ублюдка. Не сейчас. Не здесь.

— Прости меня, братик, — прошептала Элиза в минуту просветления. — Я верила тебе. Просто боялась. Майлз... он... он не человек. Я знаю. Я всегда знала. Но он как-то... влиял на меня. Я не могла сопротивляться.

— Я знаю, — ответил Бэн. — Я знаю.

Она улыбнулась — слабо, едва заметно. И закрыла глаза. Навсегда.

Похороны были на следующий день. Бэн стоял у могилы на коленях — прямо в грязи, не чувствуя холода — и смотрел, как гроб опускают в землю. Священник что-то говорил — про вечную жизнь, про Царствие Небесное, — но Бэн не слушал. Он смотрел на могилу и думал только об одном.

Я убью тебя, Майлз. Я убью тебя, чего бы мне это ни стоило.

Х

С того дня прошло около двух месяцев. Бэн вышел из зала суда, вышел из больницы, вышел из системы — и тут же ушёл в запой. Он пил каждый день. Пил в одиночестве, в своей разгромленной квартире. Пил в барах, пока его не вышвыривали. Пил на улице, на лавочках, в подворотнях. Алкоголь стал его единственным другом, его утешителем, его забытём. Только напившись до беспамятства, он мог хоть на несколько часов избавиться от лица Элизы, стоявшего перед глазами, и от голоса Мистита, звучавшего в ушах.

За эти 4 месяца Бэн уже привык к присутствию Мистита, который молчал и просто наблюдал. И это молчание пугало Бэна больше, чем любые угрозы. Он знал, что демон не оставил его. Знал, что он где-то рядом, — ждёт, наблюдает, выжидает удобного момента. Это было похоже на затишье перед бурей.

В тот вечер — или это была уже ночь? — Бэн стоял на мосту. Том самом, что дугой выгибался над чёрной, маслянистой рекой, протекавшей через центр Эвилля. Дождь — мелкий, противный, — сеялся с неба, затянутого серой пеленой туч. Капли барабанили по капюшону, стекали по лицу, попадали за шиворот. Бэн не замечал их. Он стоял, опершись на чугунные перила, и смотрел вниз, в тёмную воду, которая лениво текла под мостом, отражая огни ночного города.

Вода была чёрной. Маслянистой. Тяжёлой. Она текла медленно, неумолимо, как сама судьба, и в её глубине, казалось, прятались чудовища.

Бэн думал. Думал о родителях — о том, как их тела пронзила арматура, как кровь капала на его лицо. Думал об Элизе — о её последних словах, о её слабой, прощальной улыбке. Думал о себе — конченом алкоголике, убийце, изгое, неудачнике, у которого не осталось ничего, кроме пачки сигарет, пустого кошелька и фотографии мёртвой семьи.

Он поднял голову и посмотрел на небо. Тучи, серые и пышные, как тела уснувших великанш, затянули небосвод. За ними не было видно ни звёзд, ни луны. Ничего. Только тьма. Только пустота.

— Я люблю вас, — прошептал он. — Мама. Папа. Элиза. Я иду к вам.

И прыгнул.

Падение было коротким — всего пара секунд. Но Бэну они показались вечностью. Ветер свистел в ушах, выбивая слёзы из глаз. Пальто развевалось за спиной, как крылья. В последний момент, перед ударом, он закрыл глаза и увидел лицо Элизы — улыбающееся, светлое, такое, каким оно было до знакомства с Майлзом.

Удар.

Вода была твёрдой, как бетон. Боль пронзила всё тело — острая, невыносимая, разрывающая. А потом — холод. Ледяной, всепоглощающий холод, который сомкнулся над головой, как крышка гроба. Вода попала в рот, в нос, в лёгкие. Бэн попытался вдохнуть — и не смог. Тело, лишённое воздуха, забилося в конвульсиях. Перед глазами поплыли круги. Шум в ушах стих.

Тьма. Он очнулся в каменном помещении. Стены — серые, шершавые, покрытые какой-то слизью, — сжимались со всех сторон. Пол был холодным, ледяным, и от него тянуло сыростью. Воздух — спёртый, пропитанный запахом крови и серы, — застревал в лёгких. Бэн попытался пошевелиться — и не смог. Его руки и ноги были прикованы к стене толстыми, ржавыми цепями. Он висел, распятый, как бабочка в коллекции энтомолога, и не мог даже пошевелить пальцами.

Он не сразу понял, что произошло. Мысли путались. Воспоминания — мост, вода, удар, тьма — мелькали перед глазами, как кадры старой киноплёнки. *Я умер*, — подумал он. — *Я умер, и это — ад*.

Звук. Где-то впереди, в кромешной тьме, раздался скрежет — тяжёлый, металлический, — будто открывались огромные, давно не смазанные ворота. Бэн поднял голову — это стоило ему невероятного усилия, шея затекла и не слушалась, — и взгляделся в темноту.

Там, впереди, кто-то шёл.

Шаги были медленными, размеренными, тяжёлыми. Каждый шаг отдавался эхом под сводами каменного помещения. Постепенно из тьмы проступила фигура — высокая, сухая, закутанная в длинное, до пят, чёрное пальто с фиолетовыми отворотами. Седые волосы, зачёсанные назад. Шрам через всё лицо. Красные глаза, горевшие в темноте, как угли.

Мистит.

Он подошёл ближе — не спеша, с наслаждением растягивая момент, как гурман растягивает удовольствие от изысканного блюда, — и остановился прямо перед Бэном. Теперь они были лицом к лицу. Мистит улыбался — своей обычной, дьявольской улыбкой, — и в его глазах плясали весёлые искорки.

— Ну вот, мальчик, — произнёс он. — Ты пришёл ко мне сам. Даже не пришлось напрягаться. Очень удобно.

В его руке блеснуло лезвие — длинное, тонкое, изогнутое, как ятаган. Сталь была чёрной, матовой, и от неё исходил лёгкий, едва заметный гул — будто клинок пел какую-то древнюю, забытую песнь.

— Что вы... — начал Бэн, но не успел договорить.

Лезвие вошло в его грудь — прямо под левую ключицу, туда, где бешено колотилось сердце. Боль была такой силы, что Бэн закричал — и не узнал собственного голоса. Это был не крик, а вой — животный, истошный, полный нечеловеческой муки. Кожа разошлась, как масло под ножом. Мышцы лопнули, разорванные острой сталью. Рёбра хрустнули — звонко, отчётливо, — когда лезвие прошло между ними.

Мистит работал спокойно, методично, как опытный хирург. Он сделал аккуратный разрез — от ключицы до грудины, — раздвинул края раны пальцами (Бэн почувствовал, как его внутренности касается холодный, липкий воздух подземелья) и запустил руку внутрь. Его пальцы — длинные, костлявые, с острыми жёлтыми ногтями — сомкнулись на сердце Бэна.

Бэн чувствовал, как его сердце бьётся в чужой руке — в последний раз. Чувствовал, как кровь толчками вытекает из разорванных сосудов. Чувствовал, как жизнь покидает его тело — капля за каплей, удар за ударом.

А потом Мистит вырвал сердце. Просто взял и вырвал — с влажным, чавкающим звуком, — и поднёс к глазам, разглядывая, как ювелир разглядывает драгоценный камень. Оно всё ещё билось — слабо, нерегулярно, — и с каждым сокращением из него вытекали остатки крови.

— Хорошее сердце, — сказал Мистит задумчиво. — Сильное. Жаль, что человеческое.

Он отбросил его в сторону — сердце с глухим стуком упало на каменный пол и затихло, — а потом извлёк из складок своего плаща нечто иное. Это было... другое сердце? Или то, что у демонов заменяет сердце? Оно было чёрным, пульсирующим, и от него исходил дым — густой, маслянистый, с запахом серы и горелой плоти. Оно не билось, а скорее вибрировало, издавая низкий, утробный гул, от которого у Бэна заложило уши.

Мистит вложил его в грудную клетку Бэна — аккуратно, почти нежно, — и придержал пальцами, пока оно приживлялось. Бэн почувствовал, как что-то внутри него дёрнулось, запульсировало, забилося в новом, чуждом ритме. Чёрные вены, вздувшиеся на его коже, запульсировали в такт этому биению. Боль — на секунду отступившая, — вернулась с новой силой.

— Сейчас станет лучше, — пообещал Мистит. — Гораздо лучше.

Он достал иглу — длинную, изогнутую, с грубой чёрной нитью, — и начал зашивать рану. Стежок за стежком. Медленно, аккуратно, не обращая внимания на крики Бэна. Кожа стягивалась, морщилась, но держалась. Нить была грубой, колючей, и каждое прикосновение иглы отдавалось в теле новой вспышкой боли.

— Теперь ты стал лучше, — произнёс Мистит, закончив работу и отступив на шаг, чтобы полюбоваться своим творением. — Забудь себя. Подчинись мне. Вот твоя награда, о которой я тебе говорил, мальчик.

Бэн хотел что-то сказать — возразить, проклясть, просто закричать, — но не мог. Его голос пропал. Тело не слушалось. Он только хрипел, глядя в красные, торжествующие глаза своего мучителя.

А потом всё исчезло.

Он очнулся на берегу. Солнце — яркое, слепящее, — било прямо в глаза. Ветер, пахнувший солью и водорослями, трепал его мокрые, слипшиеся волосы. Бэн лежал на песке — мокрый, дрожащий, — и не мог понять, где он и что произошло. Грудь горела — там, где прошёлся скальпель Мистита, — и эта боль была единственным доказательством того, что кошмар был реальностью.

Он сел — с трудом, преодолевая слабость, — и осмотрел себя. Пальто не было. Футболки не было. Он был обнажён по пояс, и на его груди, с левой стороны, красовался свежий, ещё кровоточащий шрам — грубый, неровный, стянутый чёрной нитью. На запястьях — следы от цепей, кровавые, воспалённые. Вены на руках были чёрными — не синими, не голубыми, а именно чёрными, — и они пульсировали под кожей, как живые существа.

Он кое-как поднялся на ноги. Его качало. Голова кружилась. Перед глазами всё плыло. Он не знал, где находится. Не знал, сколько времени прошло. Не знал, что с ним сделали. Но инстинкт — древний, животный, — гнал его вперёд. Домой. Нужно было добраться до дома.

Путь занял около получаса. Он брёл по улицам Эвилля — шатаясь, как пьяный, — и прохожие шарахались от него. Ещё бы: молодой парень, босой, полуголый, с кровавым шрамом на груди и чёрными венами, пульсирующими под кожей. Он был похож на выходца с того света. И, в сущности, он им и был.

Квартира встретила его всё тем же запахом перегара, плесени и запустения. Бэн ввалился внутрь, захлопнул дверь, прислонился к стене и сполз вниз, на пол. Сердце — новое, чужое, демоническое — колотилось в груди, как бешеное. Чёрные вены набухли, запульсировали быстрее, и Бэн почувствовал, как по телу разливается жар — нестерпимый, обжигающий, будто его изнутри пожирало пламя.

Он закричал. Это был крик, полный боли — не только физической, но и душевной, — боли от осознания того, что с ним произошло. Он уже не был человеком. Он был чем-то иным. Чем-то, чему он не знал названия.

Судороги пронзили его тело. Мышцы свело так, что он выгнулся дугой, ударившись затылком об пол. Кожа начала меняться — из обычной, человеческой, она становилась белой, как снег, как алебастр, как кожа покойника. Волосы — длинные, светлые, с выбритыми висками — темнели на глазах, от корней до кончиков, становясь чёрными, как смола. Черты лица заострялись: скулы выступили сильнее, челюсть стала шире, глаза запали глубже. Тело наливалось силой — мышцы, о существовании которых Бэн даже не подозревал, проступали под кожей, становились твёрже, крепче, рельефнее.

А потом боль ушла. Так же внезапно, как и началась. И на её место пришло наслаждение — странное, почти наркотическое, разливавшееся по телу волнами тепла и эйфории. Бэн лежал на грязном полу своей квартиры и смеялся — тихо, безумно, не в силах остановиться. Он чувствовал себя... прекрасно. Впервые за долгое время — по-настоящему прекрасно.

Он поднялся — легко, без усилий, будто тело ничего не весило, — и прошёл в ванную. В зеркале над раковиной (том самом, которое он разбил неделю назад, — теперь оно висело, склеенное скотчем, и отражало мир кривыми, искажёнными кусками) он увидел себя. Нового себя. Чужого.

Кожа — бледная, как у покойника. Глаза — чёрные, бездонные, как сама бездна, и в их центре, вместо зрачков, горели белые, пылающие огни. Они светились в полумраке ванной, и от этого света Бэну стало не по себе. Волосы — чёрные, иссиня-чёрные, — спадали на плечи. Лицо — его и не его одновременно — выглядело старше, жёстче, мужественнее. Скулы — острые, резко очерченные. Челюсть — квадратная, тяжёлая. Губы — бледные, почти белые, плотно сжатые. На лбу — тонкий, едва заметный шрам, оставленный кружкой Элизы.

Он смотрел на своё отражение и не узнавал себя.

В кладовке он нашёл топор. Обычный, хозяйственный топор — старый, с потрескавшейся деревянной ручкой и ржавым лезвием. Он взял его в руки — просто чтобы ощутить тяжесть, просто чтобы занять чем-то трясущиеся пальцы. И топор начал меняться.

Деревянная ручка стала длиннее, темнее. На ней проступил выкованный череп без нижней челюсти — детальный, пугающе реалистичный, с пустыми глазницами, в которых, казалось, горел адский огонь. Само лезвие вытянулось, заострилось, и на его краях появились дополнительные колья — острые, как бритва. Топор перестал быть топором. Он превратился в нечто иное — в оружие, достойное палача.

Бэн смотрел на него, как замороженный. Он чувствовал исходящую от оружия силу — тёмную, древнюю, голодную. Оружие хотело крови. И Бэн — или тот, кто теперь жил внутри него, — был готов ему это дать.

В дверь забарабанили. Громко, настойчиво, требовательно. Бэн не сразу понял, кто это может быть. А потом вспомнил: кредит. Микрозайм. Те самые двести евро, которые он брал месяц назад на выпивку. Те самые деньги, которые он не вернул.

— Когда долг отдашь, тварь?! — раздался грубый голос за дверью. — Открывай! Мы знаем, что ты там!

Бэн медленно, почти лениво, обернулся. Его лицо — новое, чужое, с чёрными глазами и белыми зрачками, — не выражало ни страха, ни злости. Только холодное, отстранённое любопытство. Как у кота, который увидел мышь и размышляет, стоит ли тратить на неё силы.

Он открыл дверь. На пороге стояли двое — крепкие, плечистые, в одинаковых чёрных футболках, обтягивавших их мускулистые торсы, и чёрных бриджах. Оба выглядели как типичные вышибалы — бугрящиеся бицепсы, бритые затылки, наколотые на пальцах буквы. Один — повыше, с бычьей шеей и перебитым носом, — шагнул вперёд и замер, увидев Бэна.

— Бэнджамин Лиин? — спросил он, и его голос дрогнул. Страх — животный, инстинктивный — промелькнул в его глазах. Потому что перед ним стоял уже не тот жалкий, пьяный доходяга, которому они обычно выбивали долги. Перед ним стояло нечто иное.

— Не отгадал, мразь, — произнёс Бэн. Или это был уже не Бэн? Голос — низкий, роко-чущий, полный древней, нечеловеческой ярости, — исходил из его горла, но он не узнавал его. — Моё имя — Одиам. И вы меня на сей раз не убьёте.

Коллекторы даже не успели вскрикнуть.

Топор взлетел в воздух — новый, дьявольский, с черепом на рукояти и острыми кольями на лезвии, — и обрушился на первого мужчину. Лезвие вошло в плечо, рассекло ключицу, пробило грудную клетку. Кровь — густая, тёмная, почти чёрная в этом полумраке, — хлынула фонтаном, заливая стены, пол, лицо Бэна. Коллектор даже не закричал — он умер мгновенно, с выражением неопишемого ужаса, застывшим в остекленевших глазах.

Второй попытался бежать. Он рванулся к двери, но Бэн — Одиам — был быстрее. Топор описал широкую дугу и с тошнотворным хрустом врубился в спину беглеца. Мужчина рухнул на колени, захлёбываясь кровью. Бэн подошёл, выдернул топор и снова ударил — на этот раз по голове. Череп лопнул, как переспелый арбуз, разбрызгивая во все стороны осколки костей и серое, студенистое мозговое вещество.

Через минуту всё было кончено. Два трупа лежали на полу квартиры — изуродованные, растерзанные, залитые кровью. Стены, мебель, даже потолок — всё было в крови. Бэн стоял посреди этого кошмара, тяжело дыша, и смотрел на свои руки. Они были красными — не от крови, хотя крови на них хватало, — а от удовольствия. От эйфории. От пьянящего, всепоглощающего чувства власти и силы, которое он никогда раньше не испытывал.

Он поднял бутылку виски — чудом уцелевшую в этом погроме, — и допил остатки. Потом вылил остальную алкоголь на пол — на трупы, на мебель, на стены. Чиркнул спичкой. Бросил. Пламя вспыхнуло мгновенно — жадное, всепожирающее, — и через минуту вся квартира была объята огнём.

Бэн взял пальто, накинул на плечи. Топор закрепил на ремне. Натянул перчатки — старые, кожаные, без пальцев. И прыгнул в окно.

Он летел вниз, рассекая воздух, и чувствовал себя свободным. По-настоящему свободным — впервые за всю свою жизнь. Никакой боли. Никакого страха. Никакой усталости. Только сила — невероятная, опьяняющая сила, — бурлившая в каждой клеточке его тела.

Он приземлился на ноги — легко, без единой царапины, хотя прыгал с четвёртого этажа. Посмотрел на свои руки. На бледную, мертвецки-белую кожу. На чёрные вены, которые больше не пульсировали, но всё ещё были видны под кожей, как реки на карте.

— *Пакертон*, — раздался в его голове голос. Низкий, роко-чущий, чужой. — *Мы должны убить Пакертон*.

Бэн замер. Кто это сказал? Он огляделся по сторонам — никого. Переулок был пуст. Только мусорные баки, ржавый велосипед, прикованный к фонарному столбу, и вывеска какого-то круглосуточного магазина, мерцавшая в темноте.

— Кто здесь? — спросил он вслух.

— *Я здесь*, — ответил голос. — *В твоей голове. Привыкай. Мы теперь надолго вместе.*

— Кто ты?

— *Одиам. Бывший полководец армии Хэры. И, похоже, твой новый сосед.*

Бэн схватился за голову. Голос звучал внутри — не снаружи, не через уши, а прямо в мозгу, — и от этого ощущения ему стало не по себе.

— Я сошёл с ума, — прошептал он. — Я окончательно спятил.

— *Не льсти себе. Если бы ты сошёл с ума, тебе было бы легче. А так — добро пожаловать в реальность.*

Бэн глубоко вздохнул — воздух пах гарью от горящей квартиры, — и попытался взять себя в руки. Ладно. Голос в голове. Демонический топор. Чёрные глаза. Он — одержимый. С этим можно смириться.

— Кто такой Пакертон? — спросил он.

— Ты знаешь, кто такой Пакертон. Майлз Пакертон. Тот, кто убил твою сестру. Тот, кто разрушил твою жизнь. Тот, в ком сидит демон. Я чувствую его. Это Проварикатор. Лорд Проварикатор. Мастер лжи и лицемерия. Старый знакомый.

Бэн сжал кулаки. Проварикатор. Лорд. Значит, он не ошибался. Майлз действительно не был человеком. Всё это время он скрывался под личиной полицейского, притворялся добропорядочным гражданином, а сам...

— Мы убьём его, — сказал Бэн. — Сегодня же.

— Вот это деловой подход, — в голосе Одиамы послышалось что-то похожее на одобрение. — Мне нравится. Идём.

Бэн выпрямился. Огляделся. Переулок был пуст — только крысы копошились у мусорных баков. Он посмотрел на стену ближайшего здания — обшарпанную, серую, с ржавыми пожарными лестницами. И вдруг понял, что может. Сам не зная как, не зная почему — просто понял, что его тело теперь способно на такое, о чём он раньше и мечтать не мог.

Он подпрыгнул — легко, без усилий, — ухватился за первую перекладину лестницы и за секунду взлетел на крышу. Его движения были быстрыми, точными, хищными. Он перепрыгивал с крыши на крышу, перемахивал через переулки, карабкался по стенам, цепляясь за малейшие выступы. Ветер свистел в ушах. Адреналин бурлил в крови. И голос Одиамы — низкий, уверенный, — звучал в его голове, направляя, подсказывая, предостерегая.

— Не торопись. Контролируй дыхание. Приземляйся мягче, на полусогнутые ноги.

— Я не просил твоих советов.

— А придётся слушать, малец. Ты в моём теле.

— Вообще-то, это моё тело.

— Уже нет.

Бэн не ответил. Он перепрыгнул на очередную крышу — и замер, глядя вниз. Перед ним, в нескольких сотнях метров, возвышался особняк Пакертон — трёхэтажный, из красного кирпича, с белыми колоннами и арочными окнами. На подъездной дорожке стоял его автомобиль — чёрный «Мерседес» с полицейскими номерами. В окнах горел свет — в гостиной, на первом этаже.

— Жди меня, — прошептал Бэн и прыгнул.

Особняк встретил его тишиной и запахом дорогого одеколона. Бэн вошёл через парадную дверь — просто выбил её ударом ноги, — и оказался в просторном холле с мраморным полом, хрустальной люстрой и портретом самого Майлза на стене (в парадной форме, с медалями, при всех регалиях). Слева — гостиная. Там горел камин, и в кресле перед ним, попивая вино из высокого бокала, сидел Майлз Пакертон.

— Я знал, что ты придёшь, — сказал он, не оборачиваясь. Его голос звучал спокойно, даже лениво. — Рано или поздно.

Бэн вышел из тени. Топор — дьявольский, с черепом на рукояти и острыми кольями на лезвии, — покоился в его правой руке, и с лезвия стекала ещё не высохшая кровь коллекторов.

— Ты убил мою сестру, — сказал Бэн.

— Я её не убивал. — Майлз, наконец, соизволил обернуться. Его лицо — всё такое же холёное, с аккуратной щетиной и ямочкой на подбородке, — выражало скуку. — Рак убил. Я всего лишь... ускорил процесс. Самую малость. Ничего личного, сам понимаешь.

— Ты — демон.

— А ты стал догадливым. — Майлз отсалютовал ему бокалом. — Поздравляю. Рано или поздно это должно было случиться.

— Теперь тебе не убежать.

— Убегать? — Майлз рассмеялся и, резко поднявшись, разорвал на себе рубашку. Пуговицы брызнули в разные стороны, запрыгали по мраморному полу. Его тело — жирное, дряблое, с нависающим над ремнём животом, — было покрыто какими-то тёмными, извивающи-

мися линиями. Татуировки? Или что-то иное? — Думаешь, мне нужно убегать от такой сопли, как ты?

Он прыгнул — невероятно быстро для человека его комплекции, — и ударил Бэна в грудь. Бэн отлетел, пробил стену гостиной (штукатурка и кирпичи посыпались дождём), врезался спиной в колонну в холле и рухнул на пол.

— *Осторожнее*, — сказал Одиам. — *Он сильнее, чем кажется. Это Проварикатор, лорд-полководец. Он мастер иллюзий и гипноза. Не дай ему запудрить тебе мозги.*

Бэн поднялся. Отряхнулся. Кровь, текущая из разбитой губы, была тёплой и солёной.

— Хороший удар, — сказал он. — Но недостаточно хороший.

Они бросились друг на друга одновременно. Бой был жестоким, стремительным, разрушительным. Стены особняка трещали, ломались, рушились. Мебель разлеталась в щепки. Картины падали с гвоздей. Люстра сорвалась с потолка и с грохотом разбилась об пол. Крыша — та самая, которую Бэн пробил своим телом, — обрушилась, обнажив ночное небо, с которого всё ещё сеялся мелкий, противный дождь.

Майлз преобразался на глазах. Его тело раздувалось, набухало, из него вырывались наружу рога — длинные, изогнутые, как у барана, — из глотки вылезали бивни, из спины — кожистые крылья, похожие на крылья летучей мыши. Кожа становилась серой, грубой, покрытой буграми и наростами. Человеческий облик сползал с него, как старая, изношенная одежда, и на смену ему приходило нечто иное — истинная форма Проварикатора.

Ростом он стал под четыре метра. Весом — под полторы тонны. В его руках возникли косы — две огромные, остро заточенные косы на длинных, костяных рукоятках. Глаза — чёрные, как бездна, — с белыми, пылающими зрачками. Из пасти, усеянной несколькими рядами острых зубов, вырывался смрадный, горячий пар.

— И я не Пакертон! — прорычал он, и его голос — низкий, многоголосый, демонический, — сотряс стены. — Я — лорд Проварикатор, демон-полководец! Я не знаю, какого демона в тебя недрили, мальчишка, но знай: даже он тебе не поможет!

— Твоя сестра, — проскрежетал Проварикатор, и в его многоголосом рыке слышалось отвратительное, похотливое урчание. — Какая сладкая была душа. Такая... доверчивая. Я пил её страх и её надежду годами, пока не высосал до дна. Её последний вздох был самым вкусным, мальчишка. Ты даже не представляешь, каким... послушным стало её тело, когда дух уже сдался!

Что-то внутри Бэна щёлкнуло. Исчезло — и на его месте возникла холодная, кристально-ясная ярость. Он больше не чувствовал ни страха, ни боли, ни сомнений. Только ненависть — чистую, как лезвие бритвы, и такую же острую.

— *Отойди*, — сказал Одиам. — *Я сам.*

И Бэн — впервые за всё это время — добровольно уступил контроль. Он просто отошёл в сторону — внутрь собственного сознания, — и позволил Одиаму взять управление. Это было странное, пугающее чувство — будто ты пассажир в собственной машине, а за рулём сидит кто-то другой, — но в то же время освобождающее.

Одиам заговорил. Голос, вырвавшийся из горла Бэна, был уже не его голосом — низким, рокочущим, полным древней, нечеловеческой мощи.

— Помнишь нашу последнюю встречу, Проварикатор? — спросил он. — Ты заметно пожирнел с тех пор.

Проварикатор замер. Его четыре чёрных глаза (ещё два прорезались на лбу во время трансформации) расширились от удивления, а потом — от ужаса.

— Что?! — взревел он. — Кто ты?!

— Моё имя — лорд Одиам. Я же говорил тебе, чтобы ты запомнил меня в нашу последнюю встречу. Я всегда был выше тебя. Не материально, — он усмехнулся, — но морально и физически.

— Нет! — Проварикатор попятился, врезался спиной в стену, обрушив остатки потолка. — Мистит! Этот ублюдок подставил меня! Он сказал, что ты уничтожен! Что твоя душа рассеяна!

— Он солгал.

Одиам прыгнул. Топор — дьявольский, пылающий, — описал в воздухе широкую дугу и обрушился на Проварикатора. Лезвие рассекло его грудь — серую, бугристую, покрытую костяными наростами, — и чёрная кровь хлынула фонтаном, заливая пол, стены, лицо Бэна. Проварикатор закричал — долгим, истошным криком, — и попытался ударить в ответ. Его косы взметнулись в воздух, но Одиам легко ушёл от удара, перекатившись под лезвием, и снова атаковал. На этот раз топор отсёк левую руку демона — та с глухим стуком упала на пол, и из раны хлынула кровь.

— Мистит! — завопил Проварикатор. — Ты заплатишь за это! Ты...

Одиам не дал ему договорить. Он прыгнул вверх — легко, как птица, — и ударил демона ногой в лицо. Хруст костей. Проварикатор опрокинулся на спину, подмяв под себя остатки мебели. Одиам приземлился ему на грудь и замахнулся топором.

— Это за Элизу, — сказал Бэн, на секунду вернув контроль над голосом.

— Нет, стой!

Удар. Голова Проварикатора отделилась от туловища и покатила по полу, оставляя за собой широкий, чёрный след. Тело дёрнулось в последний раз и затихло. А потом начало рассыпаться — медленно, как песочный замок под напором волны, — превращаясь в серые, невесомые частицы, которые кружились в воздухе и таяли, оставляя после себя запах серы и горелого пластика.

Бэн стоял посреди руин особняка, тяжело дыша. Топор исчез — растворился в воздухе, — и его руки снова были пусты. Дождь барабанил по его лицу, смывая кровь — свою, демоническую, — и смешиваясь с потом. Он поднял голову и посмотрел на небо. Тучи рассеивались, и сквозь них уже проглядывали первые, робкие лучи рассветного солнца.

— *Готово*, — сказал Одиам. — *Одним меньше.*

Бэн не ответил. Он думал о сестре.

XI

Бэн выбрался из руин особняка, когда первые лучи солнца уже золотили крыши Эвилля. Его тело ныло — не от ран (все раны уже затянулись, регенерация работала безупречно), а от усталости. Моральной. Душевной. Он чувствовал себя выпотрошенным — как та несчастная ангельская семья из воспоминаний Одиамы, — но при этом странно, пугающе живым.

Город просыпался. Редкие прохожие спешили по своим делам, не обращая внимания на парня в изорванном, окровавленном пальто, который брёл по тротуару, опустив голову. Бэн шёл и думал. Думал о том, что произошло за последние сутки. О Мистите, который вырвал его сердце и вложил вместо него что-то чужое. Об Одиаме, который теперь жил в его голове и говорил с ним его же голосом. О Майлзе — Проварикаторе, — который наконец-то получил по заслугам.

— *Значит, тот урод пересадил мою душу в твоё тело*, — произнёс Одиам. Его голос звучал уже спокойнее — без той яростной, клочущей ненависти, что была во время битвы. — *И теперь мы с тобой, парень, связаны навечно.*

— Что ты имеешь в виду? — спросил Бэн.

— *То и имею. Твоё сердце — в мусоре, где-то в подzemелье Мистита. Моё — у тебя в груди. Твоё тело питается моей силой. Моя душа — в твоей оболочке. Мы — два мертвеца в одном теле. Один организм. Одна судьба.*

Бэн остановился. Прислонился к стене какого-то обшарпанного здания и закрыл глаза.

— Я не хочу, — сказал он. — Я не хочу быть твоим... вместилищем. Носителем. Я хочу обратно. Я хочу умереть.

— *Не получится. Поверь, я пробовал. Я умираю трижды — и каждый раз возвращался. Мы теперь как сиамские близнецы. Разделённое — умрёт.*

— Тогда что нам делать?

— *Для начала — найти выход. Я знаю, где моя гробница. В Аду, в городе Хэра. Там похоронено моё тело. Ну, то, что от него осталось — немного пылицы, несколько осколков костей. Но этого хватит. Мы доберёмся туда. Я заберу свою оболочку. А потом...*

— А потом ты вернёшь мне свободу?

Одиам помолчал. Бэн чувствовал его колебания — странное, пугающее ощущение, будто его собственные мысли раздвоились и спорят друг с другом.

— *Я попробую,* — наконец сказал он. — *Обещать не могу. Но попробую.*

Этого было достаточно. Бэн выпрямился и пошёл дальше. Его путь пролегал через Уэйл-порт — его родной, до боли знакомый район, — и он шёл, не поднимая глаз, мимо мусорных баков и обшарпанных стен, мимо граффити и выбитых окон. Вокруг было тихо — Уэйл-порт просыпался поздно, — и эта тишина казалась ему благословением.

Он свернул в переулок — и замер.

На крыше склада, впереди, стояла фигура. Чёрное пальто развевалось на ветру. Седые волосы блестели в лучах восходящего солнца. Красные глаза горели, как два маяка.

Мистит.

Он спрыгнул с крыши — легко, без единого звука, — и приземлился на асфальт прямо перед Бэном. Его плащ взметнулся и опал, как крылья гигантской птицы. На его лице играла всё та же дьявольская улыбка — насмешливая, покровительственная, обещающая.

— Ну здравствуй, мальчик, — произнёс он. — Как прошла первая ночь в новом теле?

— Ты! — Бэн сжал кулаки. Топор возник в его руке сам собой — просто появился из воздуха, будто сотканный из теней и дыма. — Что ты сделал со мной?! Кто ты такой?!

— Я же говорил. — Мистит скрестил руки на груди. Его поза была расслабленной, почти ленивой. — Я — Мистит. Губернатор Ада. Один из глав. И ты, мальчик, — моя собственность. Моя инвестиция. Моё творение.

— Я не твоя собственность.

— Твоя жизнь, — Мистит ткнул пальцем в его грудь, — принадлежит мне. Твой отец продал её, когда ты ещё пешком под стол ходил. Ты думаешь, что выжил благодаря чуду? Нет. Ты выжил благодаря мне. Ты дышал, смеялся, плакал, трахал соседских жён — всё это благодаря мне. И теперь я пришёл за платой.

— *Не слушай его,* — сказал Одиам. — *Он манипулирует. Он всегда манипулирует. Это его суть.*

— Я не буду на тебя работать, — отрезал Бэн.

— А придётся. — Мистит улыбнулся шире. — У тебя нет выбора, мальчик. Посмотри на себя. Ты — чудовище. Ты убил двух человек сегодня утром. Ты уничтожил демона-лорда. За тобой будут охотиться — и люди, и демоны. И только я могу дать тебе защиту. Только я могу дать тебе цель. Служи мне — и ты получишь всё. Власть. Бессмертие. Величие.

— Ты... ты всё это спланировал, — голос Бэна дрожал. Не от страха — от ярости. — Майлз. Элиза. Вся её жизнь. Ты...

— Я, — Мистит улыбнулся. Его красные глаза горели в полумраке, как угли. — Проварикатор был моим инструментом. Послушным. Верным. Я приказал ему выбрать твою сестру. Я приказал ему изолировать тебя, сломать тебя, лишить всего, что тебе дорого. И знаешь что? Ты сам помог мне. Ты пил. Ты дрался. Ты убивал. Ты катился в пропасть, а я просто... наблюдал. И ждал.

— Ты убил его, — прошептал Одиам, и Бэн чувствовал, как его собственная ярость смешивается с яростью демона внутри него. — Ты убил их.

— Я подготовил вас, — поправил Мистит. — Обоих. Бэн должен был сломаться, чтобы его тело стало... доступным. А ты, — Обратился Мистит к Одиаму через телепатию, а Бэн же ощутил сильную мигрень, когда Мистит использовал свою способность. — Одиам, должен был гореть жадной мести. И ты горишь. Достаточно, чтобы стать моим оружием. Или...

Он развёл руками.

— Или умереть, пытаюсь меня убить. Выбор за тобой.

— Лучше умереть, чем служить тебе, урод! — Провопил Бэн, выдерживая сильную мигрень, держась трясущимися руками за раскалывавшуюся голову, поскольку было ощущение, будто его голову колотят, как орех.

— Твоя взяла, парень. — Сказал Мистит, улыбнувшись своей дьявольской и расчетливой улыбкой, обнажив свои желтые, неровные зубы. В моменте его взгляд напоминал взгляд льва, готовый ринуться на свою добычу.

Мистит атаковал первым. Его руки, до этого момента скрытые в складках плаща, метнулись вперёд, и Бэн увидел, что вместо ногтей у него длинные, загнутые, острые как бритва когти. Они сверкнули в воздухе, рассекая дождевые капли. Бэн едва успел отскочить — когти просвистели в миллиметре от его горла. Топор взлетел в ответ — и был заблокирован.

Бой был яростным. Быстрым. Беспощадным. Мистит оказался намного сильнее Проварикатора — он был быстрее, ловчее, смертоноснее. Его когти рассекали воздух, оставляя в нём светящиеся следы. Из его ладоней вырывались струи пламени и вихри ледяного ветра. Бэн — Одиам — парировал удары, наносил свои, но каждый раз ему приходилось отступать.

— *Он слишком силен,* — выдохнул Одиам. — *Мы пока не готовы. Нужно бежать.*

— Нет!

Бэн снова бросился в атаку. Топор и когти сшиблись, высекая искры. На этот раз ему удалось задеть Мистита — лезвие топора скользнуло по его предплечью, оставляя длинную, рваную рану. Чёрная кровь брызнула на асфальт.

Мистит отдернул руку. Посмотрел на рану. Улыбнулся.

— А ты молодец, мальчик, — сказал он. — Давно меня так не задевали. Честное слово, я впечатлён. Но этого недостаточно.

Он сделал быстрое, неуловимое глазу движение — и его кулак врезался в солнечное сплетение Бэна. Тот согнулся пополам, хватая ртом воздух. Мистит схватил его за шиворот и швырнул через весь переулок — Бэн пролетел метров двадцать и врезался в стену, оставив в ней внушительную вмятину. Кирпичи посыпались на землю. Тело заныло от боли.

— *Вставай,* — рявкнул Одиам. — *Вставай, малец! Мы ещё не закончили!*

Бэн поднялся — с трудом, опираясь на топор. Кровь текла из разбитого носа, из расчёсанный брови. Рёбра ныли — кажется, одно было сломано. Но регенерация уже работала — он чувствовал, как кости срастаются, как ткани восстанавливаются.

— Вот тебе мое предложение, — сказал Мистит, подходя ближе. Он не запыхался, не вспотел — будто и не дрался вовсе. — Наберись опыта. Потренируйся. Научись контролировать свою новую силу. А когда будешь готов — мы встретимся снова. И тогда ты сделаешь выбор. Либо служишь мне — добровольно, с радостью, как верный пёс, — либо я уничтожаю тебя. И Одиам заодно. Идёт?

Бэн молчал. Он тяжело дышал, опираясь на топор, и смотрел на Мистита с ненавистью.

— Идёт, — наконец прохрипел он. — Сволочь.

Мистит улыбнулся — широко, торжествующе.

— Вот и славно, — сказал он и исчез. Просто растворился в воздухе, оставив после себя запах серы и эхо собственного смеха.

Бэн рухнул на колени. Топор выпал из его пальцев и со звоном ударился об асфальт. Дождь усилился — теперь это был настоящий ливень, — и холодные струи хлестали его по лицу, по спине, по рукам. Он стоял на коленях в луже и тяжело дышал.

— *Вставай*, — повторил Одиам. — *Мы ещё повоюем.*

Бэн не ответил. Он закрыл глаза — и провалился в темноту.

Он очнулся в пустоте. Бесконечной, тёмной, холодной. Под ногами был бетонный пол — серый, шершавый, такой же, как в подземелье Мистита. Вокруг — ничего. Только тьма, простирающаяся во все стороны.

— Эй! — крикнул он, и его голос эхом отразился от невидимых стен. — Кто здесь?!

Вдали, в нескольких десятках метров, возник силуэт. Высокий, плечистый, закутанный в длинный плащ. Силуэт приближался — медленно, размеренно, — и постепенно обретал черты.

Это был мужчина. Огромный — под два метра ростом, — с широкими, как у атлета, плечами. Его кожа была смуглой, почти коричневой. Волосы — тёмные, средней длины, — падали на плечи небрежными прядями. Глаза — чёрные, бездонные, и в их центре, вместо зрачков, горели белые, пылающие огни. Такие же, как теперь у Бэна.

Одет он был в доспехи — кроваво-бордовые, с золотистыми наплечниками, налокотниками и наколенниками. За его спиной развевался черный, шёлковый плащ, застёгнутый на костяную фибулу. В правой руке он держал шлем с заострённым подбородком и маленькими рогами на лбу.

Бэн смотрел на него — и не мог отвести взгляд. Что-то в этом лице — в этих жёстких, аристократичных чертах, в этом холодном, пронзительном взгляде, — казалось ему смутно знакомым. Будто он видел этого человека раньше. Во сне. В кошмаре. В отражении зеркала.

— Кто ты? — прошептал Бэн.

— Я — Одиам, — ответил мужчина. Его голос — низкий, рокочущий, — был тем самым голосом, который Бэн слышал в своей голове. — Добро пожаловать, парень. Теперь ты видишь меня таким, какой я есть. Вернее, — он усмехнулся, — каким я был до того, как меня убили.

— Ты... — Бэн запнулся. — Ты — тот, кого Мистит...

— Да. — Одиам кивнул. — Мистит убил меня. Предал. Вырвал душу и засунул в твоё тело. Теперь мы с тобой — одно целое.

Он протянул руку и коснулся плеча Бэна. Прикосновение было неожиданно тёплым — почти горячим, — и от него по телу разлилась странная, успокаивающая энергия.

— Я понимаю, что ты чувствуешь, — сказал Одиам. — Страх. Растерянность. Злость. Я прошёл через то же самое. Но послушай меня, парень. Я — не твой враг. Я не буду пытаться захватить твоё тело или подчинить твою волю. Я просто хочу выбраться из этой передраги. И отомстить.

— Отомстить? Кому?

— Миститу, — Одиам произнёс это имя с такой ненавистью, что Бэну стало не по себе. — Он убил моего лучшего друга. Разрушил всё, что я строил. Засунул меня в эту... в эту темницу. И теперь я хочу только одного — свернуть ему шею. Собственными руками. Или твоими, — он усмехнулся, — какая разница.

— Я тоже хочу его убить, — тихо сказал Бэн. — Он убил моих родителей. Он разрушил мою жизнь. Он...

— Вот видишь. — Одиам развёл руками. — У нас общая цель. Так почему бы нам не объединиться? Ты и я. Вместе мы сильнее. Вместе мы можем надрать задницу этому старому ублюдку и вытащить тебя из этой ямы.

Бэн молчал. Он смотрел на Одиаму — на его лицо, суровое, но почему-то вызывающее доверие, — и думал. Это было безумием. Он разговаривал с демоном, который жил в его теле. Он заключал союз с существом, о котором ещё вчера не подозревал. Но разве у него был выбор?

— Ладно, — сказал он наконец. — Идёт.

Одиам улыбнулся — впервые за всё время. Улыбка у него была неожиданно тёплой, почти отеческой.

— Вот и славно, — сказал он. — А теперь — просыпайся.

Бэн открыл глаза.

Он лежал в переулке, на мокром асфальте. Дождь кончился. Над головой, в разрывах туч, сияло солнце — яркое, золотое, живое. Он сел — осторожно, прислушиваясь к ощущениям в теле. Никакой боли. Никакой слабости. Только сила — новая, незнакомая, пугающая.

— *Ну что,* — раздался в голове голос Одиамы, — *готов к приключениям?*

— Нет, — честно ответил Бэн. — Но выбора у меня всё равно нет.

Он поднялся. Отряхнул пальто. Топор — дьявольский, с черепом на рукояти, — исчез, растворился в тенях. На душе было странно: пусто и одновременно... легко? Он не мог подобрать слово. Он знал только, что теперь — впервые за долгое, очень долгое время — у него была цель.

Пакертон мёртв. Но Мистит жив. И Ад — огромный, бесконечный, населённый легионами демонов, — ждёт его.

Он зашагал прочь из переулка — молодой человек в изорванном пальто, с бледной, как у покойника, кожей и глазами, в которых горели белые, пылающие огни. За его спиной занимался рассвет. Солнце золотило крыши Эвилля, и где-то вдалеке, на городском мосту, гудели первые машины. Начинался новый день.

Но для Бэнджамина Лиина и для демона по имени Одиам начиналась новая жизнь.

Часть вторая

I

Город ангелов-Жозе, 1210-ый год. К защитным стенам подходило несколько десятков тысяч солдат демонов. Впереди была кавалерия, а сзади располагалась артиллерия. Шестилетний, и неопытный еще воин, Одиам был среди кавалерийского состава на своей лошади, которую, перед самым отъездом, он назвал «Калиста»-низкая и молодая лошадь, но с хорошо развитой мускулатурой и с длинной, черной гривой, зачесанная направо, которая почти закрывала ее правый глаз. Глаза лошади светились кроваво-красным оттенком. Это была достаточно сильная кобыла, в сравнении со скакунами других солдат. Калиста была еще молодой лошадкой, а по тому для Одиамы в его шести летнем возрасте, она была в самый раз. Позади Одиамы располагалась уже пехота с копьями и мечами. Он видел в числе армий не только демонов с различными аномалиями тела, но и настоящий огромный монстр, что были помесью людей и быков. Это его первое сражение, где он впервые увидит кровь и смерть своих коллег-солдат. Мальчик сам выглядел, как и обычный человек, однако из демонического у него были чисто черные глаза, где вместо зрачка был лишь белый свет, который тускло, но как-то светился во тьме.

-Вперед!-крикнул Одиам своей лошади, остальные же последовали его примеру. Удивительно лишь то, что шестилетний мальчик оказался первым, кто ринулся в бой без колебаний. По его огонькам в глазах было видно, что он долго ждал этого момента. Врата в Жозе были пробиты при помощи артиллерии, и перед Одиамом появилась необычайная красота сапфирового города, где, по легендам и мифам зародились первые ангелы и демоны. Перед мальчиком тут же привстала армия ангелов в серебристо золотых доспехах. Весь былой настрой тут же исчез в его глазах, и в них отпечатались лишь страх перед смертью, ведь мальчик никогда не имел дела с ангелами, а тут резко появилась армия, состоящая, не просто из ангелов в доспехах, но и, из ангелов, которые были явно крупнее его по габаритам. Не успел он очнуться, как его лошадь тут же, почуяв страх, встала на свои задние копыта и как ринулась в сторону армии.

-Куда ты скачешь, дура?!-В панике крикнул мальчик, держась правой рукой за шенкель, а левой за меч. Лошадь скакала быстро, а потому Одиаму казалось, что он может выпасть с

седла в любую секунду. Издав пугливый крик, Одиам начал хаотично крутить мечом, попадая все же по рыцарям ангельской армии. Открыв глаза, Одиам увидел, как он проскочил через толпу, кого-то сбив с ног, а кого-то убив своими взмахами меча. Он впервые за столько времени почувствовал, как его меч в его руках коснулся чьего-то тела. Посмотрев на свой меч, нечто по-настоящему адское пробудилось в нем, и, указав своей лошади, он побежал вперед.

Солдаты, что еще даже не успели подойти к главным воротам, были сильно удивлены тому, как мальчик шести лет, рубил своим крохотным мечом, будучи на еще мелкой кобыле, своих врагов.

-«Что за безумец?! Он ведь убьет себя!»-прокралось в мыслях у Пантея. Пантей же был вооружен двуручным мечом с зубьями на середине меча. Доспехи были такие же, как у Оди-ама, но, разумеется, под его двухметровый рост. Мужчина, поджав губы от переживания за мальчика, ринулся вперед за ним, видя то, как он лихо взмахами меча рубил солдат, словно обезумевший.-«Неужели это все дело рук шестилетнего мальчика?»-подумал про себя Пантей, чьи глаза были размерами с блюдца от удивления.-«Это ж только шестилетний мальчик... Что ж будет через десятки лет...».-думал мужчина. Он никогда не думал, что внутренняя агрессия внутри дитя может стать таким разрушительным орудием. Множество дьяволят двенадцати лет, что сбежали от своих семей, не могли и правильно меч схватить, а тут шестилетний ребенок машет им пусть и неуклюже, но как точно. Все же, когда Пантей выяснил при первой встречи с мальчиком, что Одиам сын самого Шима, он понял от чего у него такое безумие. Шим всегда был жесток к своим солдатам, и всегда вел их на верную смерть, чего уж тут говорить про сына, которого он, судя по всему, держал в крайне плотных рукавицах.

Пока Пантей отвлекался на свои раздумья, Одиам уже зачищал храм, будучи в приступах безумия. Сам храм был небольшой и очень тесный. В тот день как раз шла служба у служителей храма. Служители этого храма, что являлись бывшими попами при жизни, были сильно напуганы, когда перед ними на мелкой кобылке восседал окровавленный, одетый в доспехи с резкими чертами и в кроваво-темных тонах, мальчик, что держал короткий меч, что тоже был в крови. Они видели сквозь прорези его шлема его обезумевшие черные глаза с белыми огоньками. Издав бешеный рев, мальчик зачистил храм, оставив в нем горы трупов и море крови. Мальчик оказался в центре города. Перед ним тут же оказался никто иной, как Катарх.

-Такой маленький, а уже столько дел наделал? Кто же ты?-спросил у Одиама Катарх своим благодатным басом. В этот момент у Одиама пробежали мурашки по спине, ибо от самого вида Катарха он уже понимал, что перед ним стоит нечто большее, чем просто ангел. Лицо Катарха было хладнокровное и не выражало никаких эмоций. Рост его был высокий, почти три метра, а доспехи серебристые, сияющие. Его светлые волосы развевались на ветру, оголяя его лоб. Хладнокровные, голубые глаза смотрели в черные демонические глаза мальчика, проникая в них. Если солдаты могли с усмешкой, а позже со страхом смотреть на мальчика, то вот Катарху похоже приходилось сталкиваться с более страшными соперниками. Все же беспричинная ярость одержала вверх над разумом мальчика, и тот слепо поскакал на своей кобылке в сторону Катарха, однако тот поймал кобылку Одиама и швырнул ее прямым в стену одного из зданий. Одиама тут же вырубил, а к нему уже подоспел Пантей.

-Одиам! Нет!-крикнул мужчина, подскочив к мальчику и сев перед ним. Перед ним была картина, как окровавленный мальчик со стрелами на груди, с выпавшим шлемом с головы, лежал без сознания с одной большой гематомой на правую часть лица. Его левая рука и та же нога висели, как у тряпичной куклы. Тут же Пантей посмотрел на Катарха.-Черт! А ты что здесь делаешь?!-обратился он к Катарху.

-Я здесь по воле самой судьбы... а теперь ты ответишь на мой вопрос, демон.-Катарх подошел к Пантею и тут же взял его одной своей мощной рукой за горло и поднял над землей.-Где моя Нэра?! Где она?!-спрашивал Катарх, чье лицо приняло суровые черты, показывая, что даже свет имеет долю темной ярости, которая может сломать Пантею шею.

-Я-то откуда знаю, где твоя жена? Тебе лучше...спросить это у Шима, который прямо сейчас идет к Мехалиту...-прокрехтел Пантей, задыхаясь. Катарх его тут же отпустил.

-Вот оно как...спасибо за сотрудничество.-сказал Катарх, чье лицо вновь стало хладнокровным. Он развернулся спиной к Пантею и пошел в неизвестном направлении. Пантей же, держась за горло, откашливался, но спустя пару минут подошел к Одиаму и взял его на руки.

-«Еще дышишь? Удивительно...обычный демон от его ударов тут же умирает...что же ты за дитя такое?»-Спросил про себя Пантей. Обоих догнала армия.

-Как он?-Спросил один из солдат, чье лицо не увидеть под шлемом.

-Дышит еще.

-Уго. Сильный малый попался! Что с лошастью?

-Жива кобылка, правда, вот сама с переломленными ребрами.

-Нам дали приказ отступить. Армия Жозе очень сильная. Парень молодец, ибо зачистил четверть армии, но для нас этого слишком мало. Войско не справляется. Надо отступить!

-Я кобылку с собой понесу, ибо ее смерть для Одиамы будет той еще утратой. Он и так до солдатской жизни натерпелся

-Ладно, не будем парня сразу печалить смертью его кобылки.

-Я понесу обоих.-к Пантею тут же прискакал его конь, что был каштановых оттенков с черными глазами. Впереди он поставил саму мелкую кобылку Одиамы, сзади самого Одиамы. Пантей уселся на своего коня и дал приказ скакать прочь из города.

Утро следующего дня. Одиам просыпается в своем же мешке в той же казарме, будучи перебинтованным. Его средней длины волосы были взъерошены, отчего он напоминал больше львенка. Он простонал от боли, когда чуть привстал. Его левая рука и нога были перебинтованы и хорошо зафиксированы. Левая рука фиксировалась через правое плечо, а вот левую ногу держала деревянная шина.

-Тише, тише, мальчик. Лежи.-сказал Пантей, укладывая Одиаму на подушку.

-Что произошло?-спросил ослабленный мальчик, еле держа свои глаза открытыми.

-Ты чертов безумец...Зачем полез напролом? Это же могло плохо кончиться... Однако, для первого сражения ты лихо постарался, малый. Молодец!

-Я не сам полез тогда...Меня Калиста потащила на толпу ангелов. Мне пришлось сначала махать мечом, однако потом, когда я открыл глаза, и увидел перед собой горы трупов и кровь...Мне стало не по себе сначала, но потом, я сам не знаю, что случилось...Я видел дальше только горы трупов и море крови и...его...-Остановился Одиам, сморщив лоб и прикрыв глаза.-Воина, облаченного в серебрено-золотистые доспехи. Это сложно описать, но, увидев его, я почувствовал нечто то, что начало меня успокаивать...

-Это был Катарх-император всего Рая. Говорят, что он находится в поисках своей возлюбленной-Нэры.

-Вот оно как...а что с ней?

-Я-то откуда знаю? Ее Люций похитил и отнес Шиму-твоему отцу.

-Моему отцу? Почему же я ее не помню...-задался этим вопросом Одиам, отведя взгляд.

-Не знаю, парень...может она была просто рабыней твоего отца. Он любит это дело. Давай вот как поступим, ты сейчас лежишь и потом, когда тебе станет лучше, мы будем учиться контролировать твои эмоции, ибо самое главное на войне, это холодное сердце и сильный разум. Запомни это, Одиам. У тебя весьма серьезные травмы. У тебя пробита стрелами грудь и сломаны ребра, а также рука с ногой. Это достаточно серьезные травмы. Недели полторы уж точно займет.

-Понятно. Спасибо тебе большое, Пантей. Один вопрос.

-Да?

-Ты знаешь, где мой отец?

-У себя в особняке, где ж ему еще быть-то?

-Я могу с ним встретиться?

-Увы, но нет. Теперь это твой дом и твоя улица. В город ты выйдешь только при звании полководца.

-Вот оно как...

-Да-а-а. Раньше можно было выходить, но это стали запрещать, ибо много солдат у нас сбежало.

-Ну...весьма мудрое решение...

-И не говори. Действительно, откуда в тебе такие силы?

-Я не знаю...Может наследство...

-Вполне может. Твой отец тоже мог большую толпу зарубить...

-Ясно, друг мой. Ясно...-ответил Одиам, положив голову на подушку и, прикрыв глаза, начал проваливаться в сон.

II

Спустя полтора месяца Одиам проснулся вновь в своем мешке. Солдаты все это время пугались, поскольку думали, что он мертв. Такое мнение у них сложилось оттого, что, пытаясь разбудить шестилетнего сына войны, они терпели поражение. Однажды Пантей отшутился, когда понял, что Одиам провалился в глубокий сон, озираясь на его медленный, но имеющийся пульс: «Ха!Этот мальчик не только бой, но и нас победил!». В конце концов, они смирились.

Все солдаты спали в одном большом помещении, где были лишь мешки, в которых закутавались солдаты и проваливались в сон. Одиам чувствовал, что его раны уже прошли, а кости срослись как надо. Мальчик снял с себя бинты и что-то вроде самодельной шины с ноги. На своей груди он видел шрамы от стрел, что привело его в шок.

-«Неужели я был настолько безумным, что не почувствовал, как по мне стреляли...»-подумал мальчик про себя. Уже все солдаты проснулись и стали собираться на очередную тренировку. Одиам надел на себя штаны из хлопка и босой, а также с голым торсом направился на стадион, как и все остальные. Все были одеты в одну и ту же одежду, а потому издали солдат было легко перепутать. Лишь Одиам отличался от всех своим ростом и глазами, унаследованными от Шима.

-Одиам, как тренировка подойдет к концу, останься со мной на стадионе. Нужно провести первую тренировку для управления твоими эмоциями. –сказал Пантей сзади, положив свою тяжелую руку на детское, но очень крепкое плечо Одиама. Каждый раз, когда Одиам ощущал эту крепкую руку, он не ощущал ее тяжести, а лишь то, как отцовское тепло распространялось от самого плеча и до самого сердца юного воина.

-Хорошо, Пантей.-согласился Одиам, улыбнувшись. Пантей за эти годы стал Одиаму как старший брат и наставник вместе. Даже солдаты уже подшучивали над Пантеем, каждый раз говоря: «Пантей, возьми с собой своего сынка и пошли работать по казарме!».

И вот спустя четыре часа тренировки, в которой повторялись и оттачивались удары мечом, а также техника борьбы, весь вспотевший и изрядно уставший Одиам подошел к Пантею.

-Ну что? Начнем тренировку?-спросил с интересом Одиам.

-Да, конечно. Идем за мной.-указал мужчина, подходя к полю с песком.-Так, садимся, скрещивая ноги.-сказал Пантей, сев в позу Лотоса, положив руки на колени. Одиам повторил все то же самое.-Теперь смотри, дыши медленно, глубоко. Вдыхай своей диафрагмой, а не грудью. Чувствуй, как расслабляется твое тело, чувствуй, как стынет сердце и наполняется умиротворением...-мужчина говорил отчетливо и медленно.-Не спеши, чувствуй, как ты проходишь в глубины своего сознания и твой внутренний зверь успокаивается, покидая тебя...

Годы шли своим чередом. Когда-то пришедший четырех летний и слабый, во всех смыслах, ребенок в ряды армии Хэры стал двадцати шести летним, хладнокровным солдатом, который искусно владел своим мечом. Так как Одиам рос с небывалой скоростью и растил на себе килограммы мышечной массы, менял размеры своей брони он довольно-таки часто. На удивление, Одиам ни разу не получал мечом по своему телу, а потому пока шрамов у него не было, если не считать шрам от тех стрел.

Сейчас на своей окрепшей и высокой кобылке-Калисте восседает Одиам, что стал полноценным и сильным воином, чей рост доходил до двух метров, а масса, состоящая полностью из мышц, доходила до девяти десятков килограмм. Ангелы за это время отвоевали Тос, и отряд Одиамы под предводительством неизвестного полководца по имени Проварикатор поручили штурм этого города.

Демоны уже пересекли белоснежный, кварцевый мост, что был в ста метрах от входа в город и находился над пропастью, которая словно вела в бесконечную тьму. По дороге, глядя в нее, Одиам ощущал неподдельный холод по своему телу, будто бы эта тьма зовет его в свои холодные объятия. Главнокомандующий нынешним отрядом-Проварикатор представлял собой демона, чье лицо было красным, как кровь, а из лба торчали рога. Глаза человеческие, а вот зубы острые, как у зверя, а у щек его росли большие бивни, как у мамонта. Сидел Проварикатор, на таком же красном коне, красные глаза которого сияли, словно солнце. Тело коня было мощным, невероятно мощным, а также все было усеяно шрамами. Одна нога лошади и вовсе была пришита, но каким-то чудом выдерживала непосильный вес огромного и тучного Проварикатора.

Одиам подошел к Проварикатору, ибо такой главнокомандующий не вызывал у него доверия от слова совсем.

-Здравия желаю, сэр Проварикатор. Меня зовут Одиам, рыцарь 37-го полка.-Говорил Одиам, не показывая своей неприязни, скрыв ее за холодным выражением своего лица.

-А, наслышан о тебе, наслышан. Ты тот малолетний воин, что впервые за долгое время существования Ада пришел в ряды солдат, будучи четырех летним ребенком, я прав?-С долей насмешкой произнес Проварикатор. Очевидно, что он не сильно знал Одиамы, ибо по документам официально Проварикатор является главнокомандующим двадцать вторым полком, в то время, как Одиам является солдатом тридцать седьмого полка.

-По какой такой причине вы командуете именно в нашем полку, если вы главнокомандующий двадцать вторым полком?

-Это приказ от Шима. Тут я бессилен. Он куда-то ушел в одиночку на время штурма.

-«Мой отец прямо в своем репертуаре...»-Подумал Одиам, издав усмешку.

-Ты чего смеешься, парень? Готовься, ибо сейчас будет бойня!-Сказал Проварикатор, улыбнувшись так, что у Одиамы мурашки пошли по спине. Дело было не в острых зубах и не в бивнях, а в том, с каким наслаждением Проварикатор говорит о войне. Видно, что Проварикатор, как большинство полководцев жаждет насилия и кровопролития. Лицо Одиамы же больше выражало безразличие уже к этим боям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.